

К 63.32162
П 15-КХ

*Свердловская областная общественная
организация ветеранов войны, труда,
боевых действий, государственной службы,
пенсионеров*

**Информационный бюллетень
ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ**

Воспоминания, очерки

Екатеринбург
2012 г.

**Бюллетень издан в рамках проекта
по адаптации граждан пожилого возраста,
их интеграции в общество.**

Редакционная коллегия:

**Ю.Д. Судаков
А.Г. Жданович
В.Н. Иванов
Я.Н. Кадочникова
С.В. Лаврищев
Л.Н. Онищук**

**Тел. 8(343) 376 67 88
8(343) 371 31 64**

**Электронный адрес:
veteranov.sovet@yandex.ru**

**Почтовый адрес:
Екатеринбург, 620014,
ул. 8 Марта, 16-А**

К 63.3(2)622
П 15 - КХ

Свердловская областная общественная
организация ветеранов войны, труда,
боевых действий, государственной
службы, пенсионеров

Информационный бюллетень

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

Воспоминания, очерки

МУ «Централизованная
Екатеринбург, 2012 г.»
Ю Красноуральск

122 844

Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

Faint, illegible text in the middle section of the page.

OTTEHIBIK JET
DAMPTON

Faint, illegible text at the bottom of the main page area.

Информационный бюллетень «ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ»

К читателям

О том, что дал, например, Нижний Тагил фронту, говорить и легко, и трудно. С одной стороны, к нашим услугам всеведущая статистика – сотни тысяч тонн выкованной брони для «тридцатьчетверок», 35 тысяч самих «тридцатьчетверок», миллионы пуль и снарядов, собранные самолеты, с другой –obelisks, мемориалы и Курган памяти. Они – свидетели высокой себестоимости Победы, они – вечная Слава погибшим в боях и умершим от голода и истощения труженикам тыла. Вот почему поэт Ирина Каренина, человек, не знавший войны, однажды написала о своем родном городе, в котором родилась, такие пронзительные строки:

Мой град обреченный, горьки наши черные беды,
И гордость, как бешеный пес, обрывает парфос.
Как страшно нам было и как далеко до Победы –
Но голод и холод с тобой мы сносили без слез.
И танки врывались в великую, дикую бойню,
И заживо парни горели в тяжелой броне.
Мой град обреченный – мой самый жестокий конвойный –
Не даст мне покоя и в очень счастливой стране.

Конечно, можно было ограничиться этими поэтическими строками, но мы помним и о движении «тысячников», и о фронтовых комсомольско-молодежных бригадах, и о знаменитой горновой Фаине Шаруновой, и о десятках тысяч женщин и детей, стоявших у станка по 12-14 часов в сутки. Не о каждом из них напишут стихи, но помнить надо о каждом. Вот почему этот информационный бюллетень мы посвящаем не только героям фронта, но в первую очередь героям тыла. Сказано ведь – «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». И никто еще не знает, что требует больше мужества – встать под огнем в атаку или выпточить сотню снарядов, добыть огромную гору породы или собрать еще один танк для фронта.

Председатель Совета

Ю. Д. Судаков

УРАЛ - ФРОНТУ

Прогремевшие на рассвете 22 июня 1941 г. залпы жестоко перестроили всю жизнь страны, быт советских людей, поставили на военные рельсы работу промышленности, сплотили народ воедино под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». С первого дня войны перед Советской страной встала сложнейшая задача перебазировать в тыл из прифронтовых и находящихся под угрозой оккупации врагом районов миллионы людей и огромное количество промпредприятий, оборудования, материальных и культурных ценностей.

Был создан Совет по эвакуации (председатель Совета Н.М. Шверник, заместители А.Н. Косыгин и М.Г. Первухин), который и организовал полномасштабную эвакуацию, размещение эвакуированного населения и восстановление предприятий на новых местах. А. Н. Косыгин писал: «Самым тяжелым и критическим для нашей военной экономики был период с июня по декабрь 1941 года — период перемещения промышленных предприятий с запада на восток...

Однако в итоге огромных усилий, предпринятых всем советским народом, уже с декабря 1941 года падение промышленного производства приостановилось, а с марта 1942 года его объем начал нарастать... В 1943 году валовый продукт промышленности составил 90 процентов довоенного уровня, а в оборонных отраслях возрос в 2,2 раза... Кульминационным моментом в развитии советской военной экономики стал 1944 год» [А.Н. Косыгин «В едином строю защитников отчизны» брошюра, Политиздат, Москва, 1980 г. 47с.].

Н. Иванов

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

(Из книги, посвященной Уралмашзаводу и его людям,
«Завод-воин»)

18 сентября 1941 г. Сегодня молодого мастера комсомольца Михаила Попова, на участке которого растачиваются корпуса, вызвал к себе нарком В. А. Малышев. Не знаю, о чем у них шел разговор, но Михаил появился в цехе встревоженный и сразу же собрал своих товарищей.

— Нам надо растачивать в два раза больше корпусов, чем мы делали до сих пор. С сегодняшнего дня будем работать по-фронтовому, чтобы выполнить просьбу наркома. По-фронтовому — это значит не жалеть ни сил, ни времени, ни своей жизни. По-фронтовому — это значит забыть о своем личном, думать только о фронте, только о разгроме врага.

Мастер сам встал к станку. Он понимал, что просьба наркома — боевой приказ, и его надо выполнить во что бы то ни стало. Но как? По норме на расточку корпуса давалось восемнадцать часов. Ценой больших усилий бригаде удалось довести это время до двенадцати. Теперь надо его сократить еще в два раза. Мастеру помогали расточник Михаил Борцов и его подручный Николай Коняхин. Много времени отнимала установка громоздкого корпуса на станок. Тут все зависело от усилий и смекалки людей. Попов прежде всего решил сократить это «ручное» время. Работал без «передыху». На установке первого же корпуса сэкономили еще полтора часа. А вечером нам позвонили из цеха и сообщили, что расточка очередного корпуса закончена за восемь часов.

20 сентября. Все мы с волнением следили за работой бригады мастера Попова. Вчера он установил к основному станку еще по два суппорта с боков танкового корпуса, приспособив их под расточку. Обработка теперь велась одновременно пятью станками.

Старший мастер И.Н. Пошелок пригласил меня взглянуть на этот необычный эксперимент. Когда мы подошли с ним к рабочему месту бригады, я прежде всего увидел освещенное переносной лампой лицо Попова. Он сосредоточенно следил за движением фрез, одновременно направляя струю воздуха на стружку. Ни Попов, ни его помощники не обращали на нас внимания, никто из них даже не обернулся в нашу сторону. Я подумал, что, быть может, вот именно здесь, в эту минуту начинается та победная трудовая эстафета, которая поможет армии раздавить врага.

А сегодня утром я прежде всего позвонил в цех, чтобы узнать, как идет расточка.

— Последний корпус был расточен за пять с половиной часов, — услышал я в телефонной трубке.

Это была победа! Расточники собрались уже уходить, чтобы отоспаться за бессонные ночи, как в цехе появился нарком. С ним были товарищи из обкома партии и директор завода.

«А ну, показывай свое чудо», — проговорил нарком, обращаясь к Попову. Осмотрев со всех сторон танковый корпус, он подошел к мастеру и крепко обнял его. «Молодец! Всех, кто с тобой работал, представить к награде».

...А отоспаться ребятам так и не пришлось. Во всех цехах проходили митинги, посвященные их рекорду. Михаил выступал перед рабочими своего цеха. «Пусть помнит каждый из нас, — взволнованно говорил он, — сегодня линия фронта — у твоего станка, и работать нам надо по-фронтовому. Мы объявляем себя рабочими-фронтовиками».

24 марта 1942 г. В сборочном цехе — митинг. Он посвящен принятию трудовой присяги. Вчера текст присяги передавался из рук в руки, каждый скреплял клятву личной подписью. Сурово звучат слова: «Работать за двоих, за троих, а если потребуется — день и ночь не покладая рук... Пусть коллектив заклеймит меня позором и всеобщим презрением, если я нарушу трудовую дисциплину...». Эти рабочие слова звучат как клятва на верность Родине и народу.

Горячо выступил на митинге электросварщик Г. Г. Степанов: «Я в последние дни давал по три-четыре нормы, но это не предел. Буду работать за пятерых. Пусть фашистские гады знают, на что способен русский человек».

Старший мастер сборки Федор Павлович Анিকেев говорил о рабочей чести и гордости. Он замечательный командир производства, работает на заводе с первых дней, собирал первые уралмашевские машины, а вот теперь руководит сборкой танков. Побольше бы нам таких настойчивых и знающих людей, как коммунист Анিকেев!

26 мая. В апреле цех освоил производство новой продукции — корпусов и башен средних танков «Т-34». Это была очередная крупная победа всего заводского коллектива. Она радовала нас так же, как радовали успехи на фронте.

Хочется особо отметить работу женских бригад. При подведении итогов социалистического соревнования электросварщиков за четыре месяца среди победителей была фронтовая бригада Ф.Г. Гржибовской. Феликса Гржибовская и члены ее бригады показали, на что способны женские руки, какую силу и упорство в труде могут проявить девушки. «Не девчата, а богатыри», — говорили о них старые сварщики.

Вместе с другими рабочими женские бригады были тоже на казарменном положении – спали в красном уголке, в приемной начальника цеха, а чаще всего – прямо в конторке мастера, на полу. Подложат под себя телогрейку, вздремнут час-другой и снова за работу. Девчата понимали: фронту нужны танки, о каком отдыхе можно говорить. Бывали минуты, когда глаза сами закрывались, от усталости и из рук падала державка. Тогда сварщицы заводили песню. Это помогало.

Старший мастер П. И. Акимов часто подходил к девочкам и всматривался в их осунувшиеся, черные от дыма лица: он знал, что они работают до изнеможения, из последних сил. Однажды он не выдержал и приказным тоном сказал: «Сейчас же всем отдыхать!». «Вот пойдем на пенсию, тогда и отдохнем, – смеются в ответ девчата. – А на улице побывать не мешает, а то весеннего солнца еще не видели».

За воротами цеха яркий свет ошеломил и ослепил девушек. Оказывается, почти все они получили световые ожоги от сварки. В санчасти строгонастроено наказали дня три не прикасаться к сварочным аппаратам. Но на другой день утром они снова были на своих рабочих местах.

Большая группа девушек-электросварщиц приехала к нам в сентябре 1941 года из Брянска. Там они, получив специальность на трехмесячных курсах, варили рамы к железнодорожным платформам. На Уралмаше их сразу же определили на сварку танковых корпусов. Беседовал с бригадиром электросварщиц, девятнадцатилетней Шурой Рогожкиной. Это очень подвижная, веселая девушка, невысокого роста. На ней, как и на всех сварщицах, брезентовая спецовка, из-под которой вместо кофты видна солдатская гимнастерка. Вот что она рассказала: «Сначала мы варили корпус бригадой в десять человек. Облепим его со всех сторон и варим. За двенадцать часов еле успевали справиться с одной машиной. Танковый корпус ставится на сварочном стенде вниз люком. Через него мы проникали внутрь корпуса, где скапливалось много дыма и гари. Фаски под сварку большие, заполнить их металлом не так-то легко, особенно если гарь разъедает глаза и лезет в горло. После двенадцати часов, как пьяные, шли к себе в общежитие. Были случаи, когда у девчат из носа шла кровь. В конце месяца обычно ложились спать прямо в цехе, в красном уголке. После четырех часов нас будили, и снова двенадцать часов – на стенде, без перерыва. Даже кормили нас в столовой без очереди. Постепенно втянулись в работу. Вместо десяти человек теперь варим корпус вшестером».

В составе бригады были Галина Павлова, Аня Акулова, Соня Сухобокова, Маша Болукова. Сейчас Болукова и Павлова стали бригадирами.

НАШИ УРАЛЬСКИЕ ТАНКИ!

21 сентября 1942 г. Сегодня особенный день. Поздно вечером состоялся митинг уралмашевцев по случаю выпуска первого танка «Т-34». Несмотря на холодную, сырую погоду, настроение у всех было приподнятое. Яркие прожекторы освещали колонны выходящих из цехов людей. Вскоре в заводском коридоре послышался лязг приближающейся машины. Из темноты появился наш первенец. При свете прожекторов он выглядел исполином. Длинный ствол пушки был поднят и угрожающе направлен вверх. По ту и другую стороны башни стояли Б. Г. Музруков и М. Л. Медведев.

Речи произносили прямо с боевой машины. Говорили о том, что эта трудовая победа равносильна выигранному на поле боя сражению. Красная Армия, оснащенная уральскими танками, будет еще ожесточеннее громить врага и гнать его с нашей земли, освобождая все новые и новые города и села.

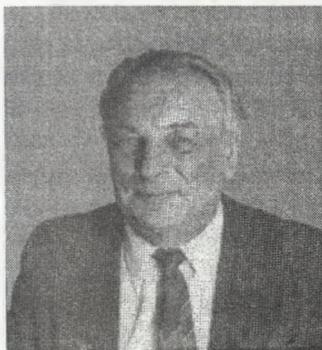
Взволнованные люди слушали ораторов. Это их руками сделана первая боевая машина, это их вклад в освобождение своей страны от фашистов. Ребята-ремесленники долго не отходили от танка, любовно гладили башню, пытались открыть люк.

Когда шли с митинга, рядом с нами на малой скорости, урча и лязгая, катился наш могучий первый танк. И в сердце каждого из нас были радость и гордость за эту трудовую победу.

Эшелон с танками «Т-34» перед отправкой на фронт

В.Г. Железнов, электромонтер завода №760 в 1943-45 гг., секретарь парткома завода в 1968-1978.

«МЫ РАБОТАЛИ ДЛЯ ФРОНТА, ДЛЯ ПОБЕДЫ»

Из горящего Смоленска, под непрерывными бомбежками, буквально вырвалось четыре эшелона Смоленского машиностроительного завода им. М.И. Калинина, направленные на далекий Урал, в Свердловск, на «Дормашзавод», микрорайон Компрессорный. Условия эвакуации, особенно на перегоне Смоленск-Москва были крайне тяжелыми – непрерывные удары с воздуха, отсутствие продуктов, диверсионные акты. Без значительных потерь в Свердловск добрались только два первых эшелона. 3-й и 4-й были уничтожены фашистской авиацией, люди почти до сентября добирались на Урал «попутным транспортом». Во время

эвакуации проявилась твердость и стремление к выполнению своего долга у многих людей. Так, например, инспектор отдела кадров Смоленского завода им. Коминтерна Дмитрий Иванович Качанов буквально на своих плечах доставил на Урал трудовые книжки работников завода, Бася Абрамовна Гафт (Макеева) вывела и вывезла детскую группу одного из Смоленских детдомов.

Эвакуированные смоляне были размещены в домах местных жителей, клубе предприятия, в наскоро переоборудованных сараях, в соседней деревне М. Исток и во всех других, более или менее подходящих местах. Вслед за Смоленским заводом из Воронежа на Урал был эвакуирован Воронежский экскаваторный завод. Уплотнение существующей жилплощади достигло максимального предела. Зачастую в одной комнате жило 2-3 семьи.

Жилищный вопрос решался и строительством бараков, землянок, общежитий. Одновременно решался вопрос и с размещением и введением в действие производственного оборудования. Цеха начали работать без крыш (цеха № 24, № 13, котельный цех) и осваивать военную продукцию – корпуса гранат, 82 мм минометы и другую оборонную технику. В 1940-1941 гг. в Советском Союзе были разработаны образцы нового оружия. Их производство было начато на Московском заводе «Компрессор» и Воронежском заводе им. Коминтерна, эвакуированного на Свердловский «Дормаш». Воронежцы

привезли на Урал чертежи и полуфабрикаты этого грозного оружия, названного «катюшей» (БМ-13-16). Изделие осваивалось в рекордные сроки. Его производством, наряду с другими заводскими инженерами, руководил бывший ст. мастер завода им. Коминтерна П.С. Бахтин. «Железный Бахтин», как его называли на заводе.

Постоянным источником пополнения трудящихся завода, заменой мужей и отцов, ушедших на фронт, стали женщины и молодежь. В тяжелые дни для нашей Родины 1942-1943 г., когда немецкие полчища вышли к Волге, на Урале был организован Уральский Добровольческий танковый корпус. Сотни заявлений были поданы в уральские военкоматы от рабочих-уральцев с просьбой о зачислении их в ряды корпуса. Ушли на фронт В.П. Колесников, И.А. Бердов, А.Н. Скоробогатова, А.А. Ляпунов, Г.С. Железнов и многие другие. Их заменили подростки – И.А. Стариков, В. Макеев, В. Семечев, Л. Носкова, С. Старкова, М. Селиверстов, Н. Деменев, В. Железнов и многие другие. Они встали к станкам и верстакам, работали «с ящиков» (до ручек станков не дотягивались, нужны были подставки), и, когда закончилась война, в 15 лет, еще не имея паспортов, получили свои первые государственные награды.

В период подготовки к разгрому гитлеровцев под Сталинградом на заводе № 760 был резко увеличен выпуск боевой техники. В связи с недопоставками автотехники по ленд-лизу мы устанавливали «Катюши» даже на санях. К этому же периоду относится освоение на заводе тяжелых образцов реактивной артиллерии и изготовление «Катюши» в морском варианте.

В 1944 г. на заводе на базе эвакуированного цеха Московского завода «Компрессор» разворачивается производство авиационных компрессорных станций типа АКС-2. Собственно, выпуск АКС-2 явился началом выпуска компрессорного оборудования на Урале.

Иван Александрович Стариков вспоминает: «Мне было 17 лет, когда я после краткосрочных курсов поступил работать на заводской радиоузел. Но началась война и заводу нужны были рабочие руки. В конце 1941 года я перешел в цех, работал на продольно-строгальном станке, обрабатывал направляющие балки для «Катюши». Работали без выходных по 12 часов в сутки. Продукты питания мы покупали по карточкам – 800 гр. хлеба в день, в обеденный перерыв ходили в столовую, там всегда был суп-лапша, варили ее на одной воде с солью, на второе каша и чай. За питание в столовой из продовольственных карточек вырезалось определенное количество грамм-талонов жиров, мяса, хлеба.

В магазинах из одежды и обуви не продавалось ничего. Можно было купить что-то только по талонам, выдаваемым на заводе. В нашем цехе, между

строгальных станков, производилась сборка 82-миллиметровых батальонных минометов, детали делали в других цехах. В нашем же цехе стояло несколько токарно-револьверных станков, на которых молоденькие девушки точили мины для этих минометов.

В цехе также изготавливалось еще одно изделие для стрельбы реактивными снарядами. Оно называлось М-30. Это рама, сваренная из металлических уголков, на нее закрепляли четыре реактивных снаряда и производили пуск. На фронте эту М-30 называли «Андрюшей». 17 декабря 1942 г. меня призвали на фронт.

«По улице, где сейчас заводууправление, и далее к железной дороге и направо в сторону заводской территории рос сосновый лес, далее было футбольное поле. На этой территории в 1941-1942 гг. по несколько раз в неделю с нами, молодежью, проводили военные занятия: строевую подготовку, изучение оружия, рытье окопов, передвижение по-пластунски и другое.

Из комсомольцев завода были организованы комсомольские бригады, которые в ночное время несли патрульную службу в определенных местах. Мне однажды пришлось встретиться с такой группой. Я продолжал учиться в радиоклубе на радиста в городе, а т.к. в то время никакого автобусного сообщения и в помине не было, то мне после окончания занятий, в 23 часа, три раза в неделю приходилось из города домой, на ст. Исток ходить пешком ночью, 15 км. Ходил по старому Сибирскому тракту, а в районе я дальнейший путь продолжал по ж/д в сторону ст. Исток. И вот однажды иду я, так тихо, ночь. И вдруг: «Стой, кто идет». Это оказалась группа комсомольцев, охранявших небольшой мостик на железной дороге, под которым протекает и сейчас небольшая речка, она же течет мимо поселка УКЗ в пруд в М. Истоке. Этой группой комсомольцев руководил сын предвоенного директора «Дормашзавода» Артюгин».

Производственную норму выполняли на 120% и более. За опоздание (если такие случались) наказывали рублем. Вычитали из зарплаты 15-25%. За прогулы судили, отправляли на фронт в штрафной батальон.

Своими воспоминаниями поделилась и Ахтиарова Елизавета Петровна, и чтобы понять всю глубину беды народной и боли личной в те годы – надо самому испытать все это. Елизавета Петровна в свой рассказ вложила всю свою душу. Привожу его дословно.

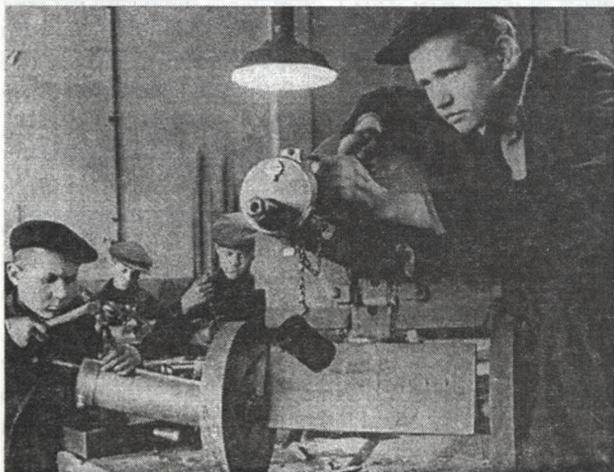
«В 1941 году окончила семь классов, хотелось и дальше учиться, но не пришлось. Началась война, отца взяли на фронт, а через несколько месяцев пришла похоронная. Окончив 3-х месячные курсы, в апреле 1942 г. пошла работать на «Дормашзавод» (УКЗ) в бухгалтерию счетоводом.

По производственной необходимости молодежь из управления перевели

в цеха завода. Меня перевели в сборочный цех, где я освоила профессии слесаря, маляра, сверловщика. В этом же цехе работала моя одноклассница и подруга Лида Подставкина. Потом перевели меня в лабораторию. К ней относилось много участков: термичка, в кузнице напайка резцов, оксидировочная электродная.

Все эти профессии также пришлось осваивать. Особенно трудно было в термичке – наскоро сваренная из железа, как гараж, и замороженная насквозь. И тяжелые, неподъемные детали, которые надо было перетаскивать вручную. Еще оставила неизгладимый след напайка резцов. Все время обжигала пальцы, когда сыпала буру на раскаленный резец и клала пластину. Работали все столько, сколько нужно. Сутками. Тут же, прямо в цехах, и спали. Удобнее всего было в кузнице – тепло. Стук молота не мешал вздремнуть час-другой.

Вместе с нами буквально жили на работе и начальник лаборатории Воронов, и его заместитель Бляхер. Многие рабочие жили в Малом Истоке, и им приходилось ежедневно, постоянно усталыми, ходить на работу 3-4 км. Подростки иногда опаздывали на работу, очень боялись суда, а пото-

му перелазили через забор, забрасывая своими телогрейками колючую проволоку. А там их уже «ждали» собаки, привязанные вдоль забора. И вот эти 14, 15-летние мальчишки забегали в цех ободранные и обмороженные и стояли перед начальником, прося пощады. И хотя это было нарушением закона, начальник цеха Г.А. Колпаков, а позднее Гдавий Владимирович Штейн, прощали. Как уже им удавалось это дело уладить, не знаем.

В такое суровое время они не очерствели и заботились о нас по-отечески. Приходилось нам зимой в ночную смену, в лютые морозы, ходить на станцию выгружать из вагонов уголь. Работали по сути мелюзга, мальчишки и девчонки. Но, несмотря на незрелый возраст, мы ответственно делали все, что было нужно. Но молодость брала свое: ходили в кино, ездили на танцы и

в театры. И что удивительно: такая дистанция недоступности между руководителями и подчиненными на заводе во время работы очень сокращалась во внерабочее время. Вместе на заводском автобусе ездили в театры, ходили на вечера самодеятельности. Приходили на танцы и руководители цехов, отделов, и даже главный инженер, и директор с женами. Были праздничные вечера, на которые приглашали и нас — молодежь. Угощение было очень скромным: котлета с картошкой, винегрет и 100 гр. водки. При общении начальники интересовались, как нам живется. Такому вниманию и уважению мы были рады».

ПРЕОДОЛЕНИЕ

З.П. Лубегина, профессор, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки РСФСР

Я демобилизована. Прощай, медсанбат, мои коллеги и подруги, прощай, мой любимый муж. Увидимся ли?

В тот день было затишье. Даже дальних орудийных залпов не слышно. Меня посадили в машину, и мы поехали. Светило солнце, пели птицы, пестрели цветы, а я горько плакала, и вся эта красота меня не радовала.

Вокзал, набитый до предела, у кассы огромная очередь, впереди – генералы, за ними военные ниже рангом. Я набралась смелости, подошла к кассе и встала за генералом, который оформлял документы. Никто не сказал ни слова, я быстро оформила свои проездные...

И вот я дома. Встретили меня с радостью, но дома было плохо. Папу, больного туберкулезом легких, призывали на трудовой фронт – охранять заключенных. Я ужаснулась, посмотрев на его отекавшие ноги. Папа выглядел стариком, мама – чуть лучше. Через некоторое время папу освободили, а фабрика «Уралобувь», на которой он работал, направила его в подсобное хозяйство. Моя сестра-студентка стала донором. Сдавала кровь ежемесячно, несмотря на низкое содержание гемоглобина. Она получала так называемую шахтерскую карточку на хлеб (800 граммов) и обед в день сдачи крови. У нее были частые обмороки. Младшая сестра, тоже студентка, переносила недоедание легче. Продовольственные карточки отоваривали плохо: за хлебом приходилось стоять два-три часа, вместо мяса давали леща, вместо сахара конфеты-подушечки, почему-то пересыпанные махоркой. Словом, семья голодала.

Когда я вынула из вещмешка свой фронтовой паек – хлеб, несколько банок мясных консервов и пакет сухого молока – семья моя пришла в радостное изумление. Так у нас состоялся праздник.

В квартире была страшная теснота: в двух комнатах на 28 квадратных метрах разместились 9 человек: наша семья (пять человек) и две семьи, эвакуированные из Харькова: муж и жена и вторая семья – мать и дочь. Какие разные это были люди! Я не знаю, работал ли Борис, но его жена Люба устроилась в столовую и вечером приносила трехлитровый бидон с едой. Борис приходил на кухню, шлепал ладонями по животу и говорил: «Ну и нажрался». Остатки выливали в унитаз.

Вторая семья была полной противоположностью первой паре. Мать, еще молодая, но до предела истощенная, прозрачная. Она работала в какой-то мастерской по пошиву солдатских рукавиц из грубого сукна. Ее пальцы все время кровоточили. Семнадцатилетняя дочь работала на подстанции. Она вместе с двоюродной сестрой поступила в УПИ, и, несмотря на то, что спать удавалось через ночь, девочки закончили институт с «красными» дипломами.

Зимой в нашей квартире температура не поднималась выше шести градусов, кутались во что только можно. На кухне в то время была кирпичная плита, но дров не было. Папа и Борис ночью спилили сосну за профессорскими корпусами, а это было запрещено. Поленья разместили где можно и топили плиту. Кухня была чем-то вроде клуба, где собирались погреться все жильцы.

С транспортом в городе было не только плохо – ужасно. Я не могла протиснуться и обычно стояла на подножке. От поручней исходил жгучий холод.

Основная часть жителей города мерзла и голодала. Однажды на улице я встретила женщину в серой каракулевой шубке и такой же шапочке. «Какая красота! – подумала я. – А я хожу в шинели, даже без теплой подкладки... Но когда-нибудь и я куплю себе такую шубку».

Чтобы чем-то накормить семью, мама с соседкой поехали на электричке в деревню. Была уже поздняя осень, ветер, холод, а в вагон не зайти – переполнен. Так и ехали на подножке. Приехали в деревню за картошкой, но не тут-то было. Постучали в калитку – молчание в ответ. Только одна женщина позволила перекопать огород: если что найдут, могут взять. Прокопав целый день, собрали полведра. Но были рады и этому. Мама сварила несколько клубней. В это время вернулась с занятий моя младшая сестра. Увидела картошку и попросила одну, но мама сказала, что это для супа...

Мама прожила еще много лет, но без слез не могла вспомнить этот случай. Я понимала, как ей было больно отказать младшей дочери в той картофелине.

Папа задумал посадить картофель на маленьком клочке земли около дома. С сырого клубня сначала срезали верхушку, затем глазки, а что оставалось – в еду. Посадили и ждали урожая – пусть немного, но все же подспорье. Пришла пора уборки. Мы уговаривали папу выкопать картошку сегодня, но папа решил убрать завтра. А назавтра... Кто-то ночью выкопал наш урожай. Жаль было отца, себя.

Цены на рынке – ужасные: килограмм масла стоил тысячу рублей, килограмм картошки – восемьдесят рублей, литр молока – тоже восемьдесят. Я однажды хотела продать буханку хлеба (она стоила двести-триста рублей), но не осмелилась. Подходит покупатель, спрашивает: «Продаете?», а я быстро отвечаю: «Нет, нет». Так было несколько раз, и я не могла продать, почему-то было стыдно просить такую цену.

Однажды поздно ночью в дверь кто-то постучал. Мы все проснулись, подумали, что это милиция пришла наказать нас за спиленное дерево. Папа предложил мне идти, так как я была самая тощая, вес мой был 44 кг. Я открыла дверь и буквально обмерла — это был мамин брат, дядя Вася. Он был в шинели — призвали в действующую армию, хотя у него была бронь. Мы просидели всю ночь, проговорили, а рано утром он ушел. Я почему-то подумала, что он не вернется. Мы получили от него один «треугольник», в котором он писал: «Завтра в бой». Это был первый и последний его бой. Я даже не уверена, держал ли он когда-нибудь в руках винтовку...

Когда мы были на фронте, мы совершенно не знали, как живут наши семьи в тылу, а семьи не знали о нас.

Я долго ходила в армейских сапогах и шинели, но сшить пальто было невозможно. Чувствовала обиду — некоторые были хорошо одеты, носили даже дорогие украшения, а я как золушка.

Однажды мне вручили приглашение в военкомат, а это значило, что я получу талон на что-то из промышленных товаров. Прихожу в отдел кадров, здороваюсь. Начальник отдела кадров молчит. Я села на стул и спрашиваю, для чего меня пригласили. И тут состоялся разговор, который буквально потряс меня.

— У вас муж еще жив?

— Да, — отвечаю я, — по крайней мере, получила недавно письмо от него.

— Так зачем же вы пришли ко мне?

— Я получила ваше приглашение.

— И напрасно пришли. Талоны выдаем только тем, у кого муж погиб.

— Я не нашлась, что ответить, вышла сама не своя. Пыталась оправдать этого человека: может, он был раздражен, болен, устал.

Радость, связанная с возвращением домой, утихла, надо было думать о работе. Здесь произошел случай, изменивший всю мою дальнейшую жизнь. Я случайно встретила Валю Королеву, с которой мы вместе учились в институте. Она работала в Институте травматологии и ортопедии, но хирургия ей не нравилась, она хотела бы работать по другой специальности, да директор — профессор Василий Дмитриевич Чаплин — ее не отпускал, требовал замену. Я же рвалась в хирургию. Валя обрадовалась: нашлась замена! Она договорилась с профессором о нашей встрече. Ровно в 9 часов мы встретились у него в кабинете. В медсанбате я обрабатывала раны, удаляла инородные тела, составляла сломанные кости, накладывала гипсовые повязки, оперировала на черепе, грудной клетке, брюшной полости, давала наркоз, переливала кровь. Обо всем этом я рассказала профессору. Спасибо Военно-медицинской академии — она нас многому научила. Василий Дмитриевич в конце беседы ска-

зал: «Коллега, вы очень многое успели!». Только позднее я поняла, что это было сказано не без иронии по отношению ко мне – очень молодому врачу.

Я довольно быстро освоилась с новой обстановкой. Еще бы! Здесь не было ожидания бомбежки, страха за жизнь раненых и свою. Но напряженность в работе было предостаточно. И это даже было мне по душе. Я стремилась все успевать – и в ночное дежурство (а дежурств у меня было ни много ни мало 12 в месяц), и как лечащий врач – днем. Нас, самых молодых врачей, было только двое, поэтому мы очень старались не уронить себя в глазах старших коллег – и боже упаси получить замечание профессора!

Но замечание я все-таки получила.

– Зоя Петровна, – сказал мне профессор, – в клинике в сапогах ходить не положено.

Что делать? Я все еще ходила в военной форме. Единственное приличное платье и туфли остались в студенческом общежитии в Военно-медицинской академии в Куйбышеве, откуда нас отправили на фронт...

Выручила меня коллега, которая предложила поменять мою португую на босоножки, которые она только что получила из ремонта. Я охотно согласилась... Но уже через день приобретенная мною обувь исчезла. Сочувствуя мне, все искали босоножки. Нашли в тумбочке у очень молоденькой медсестры. Она плакала. Я простила ее – возможно, девчужка ходила на первое свидание.

Профессор В.Д. Чаклин был крупным ученым, прекрасным хирургом, его операции были анатомичны и бескровны. Он первый в мировой медицинской практике произвел сложнейшие операции на позвонках, дав новое направление в ортопедии. Он любил молодых сотрудников, помогал им, но требовал знания смежных специальностей. Его хорошо знали зарубежные ученые и высоко ценили. Будучи главным травматологом УралВО, он посещал все профильные госпитали, делал там обходы, оперировал тяжелых раненых, учил врачей. Василий Дмитриевич брал с собой кого-нибудь из молодых врачей, и было полезно наблюдать процесс выздоровления раненого после операции.

Как правило, профессор оперировал больных сам, но мне повезло, он довольно скоро позволил мне производить сначала небольшие, позднее более сложные операции.

В 1944 году профессор В.Д. Чаклин переехал в Москву, а институт был реорганизован в Научно-исследовательский институт восстановительной хирургии, травматологии и ортопедии (ВОСХИТО), директором был назначен профессор Ф.Р. Богданов, заведующий кафедрой общей хирургии, главный хирург УралВО.

Я стала работать в основном корпусе по Банковскому переулку, 7. То, что я увидела там, потрясло меня, уже повидавшую на фронте тяжелораненых. Молодые мужчины, скорее юноши, с ампутированными голеньями, бедрами, верхними конечностями... Сколько понадобится времени, чтобы отогреть их души, вернуть к семьям, к жизни? Да, это был не медсанбат, где прооперировала раненого и отправила в госпиталь, а этих необходимо оперировать и долго, тщательно ухаживать за ними. И мелькнула у меня в тот момент мысль: справлюсь ли? Но вспомнила фронт, представила волевое лицо мужа, его ободряющую улыбку: «Ты должна справиться. Преодолей себя».

Преодолей себя. Эти слова множество раз помогали мне. И вот радость: муж с фронта прислал солидную сумму денег, чтобы я купила себе какой-нибудь подарок. Я пошла на вещевой рынок, долго ходила, смотрела, но ничего подходящего не было. Уже собралась уходить и у самых ворот вижу — стоит женщина, очень худая. На одном пальце у нее висело аметистовое ожерелье. Какое оно было красивое, горело на солнце, и глаза невозможно было отвести от него. Подошла, спросила цену, она оказалась мне по карману, и я купила ожерелье. Радости было много. Наши дамы были очарованы, а одна певица оперного театра умоляла продать ей ожерелье «за любую цену», но я не согласилась — ведь это был подарок мужа, мой талисман. Я отказала себе во многом ради этого.

Жилось очень голодно. В ординаторской во время перерыва съедали по кусочку хлеба, редко кто из врачей приносил ломтик хлеба с маслом. С некоторых пор заметили, что наиболее «богатые» завтраки стали пропадать. Хотели выяснить, кто позволяет себе такие вещи. Одному врачу пришла идея объявить, что на одном из завтраков будет накапано кротоновое масло (сильнейшее слабительное), от двух капель которого человек умирает. С тех пор завтраки не исчезали.

Не только людям, но и животным было холодно и голодно. Однажды я видела, как с завода медпрепаратов, который находился на одном с нами дворе, шла вереница крыс! Это было жуткое зрелище. Страшно было за больных, особенно за детей. Я предложила завести кошек, но многие врачи были против, аргументируя тем, что от них будет запах. Я настаивала на своем — крысы могли занести какую-нибудь инфекцию или искушать кого-нибудь. В итоге кошки прогнали крыс.

Мне не везло. Однажды я ехала в трамвае и почувствовала, что кто-то вплотную продвигается за мной. Я вышла из трамвая, за мной вышел мужчина. Он шел не отставая и вдруг, поравнявшись со мной, сдернул с моей головы каракулеву шапку и спокойно пошел дальше. Навстречу шли молодые мужчины. Я попросила задержать вора, но моя просьба осталась без ответа.

Равнодушие, зло, бессердечность — эти черты в людях меня всегда убивали. Но я себя утешала тем, что хороших людей больше. Еще при В. Д. Чаплине меня избрали секретарем партбюро и поручили провести подписку на заем. Ничего не скажешь — неприятное поручение. Сначала довольно легко подписывались на один оклад, но райком партии настаивал на подписке по два оклада, и подписка застопорилась. Оклады у сотрудников были маленькие, мужья на фронте, дома голодные дети. Бедные женщины! Но надо, шла война, на каждом углу висели плакаты «Все для фронта, все для победы!». Победа была нужна, женщины плакали, но подписывались.

Однажды из Москвы приехала жена известного профессора, с которой я была знакома прежде. Мы случайно встретились с ней на улице. На ней была шубка «под котик», в ушах, на пальцах — бриллианты. Она внимательно посмотрела на меня, на мою солдатскую шинель и спросила не без иронии:

— Ну как вы тут прозябаете?

— Работаем. Не прозябаем! — отрезала я.

— А когда шинель снимешь?

— Когда придет время.

— Шубки... До того ли было в тот момент? Война продолжалась. А с моей шинелью я сроднилась, носила ее не без гордости и шубкам уже не завидовала.

Однажды меня и Зою Кузьминичну Горбунову командировали в г. Котельничи Кировской области для помощи госпиталям — их там было около десяти. Мы, естественно, посетили два госпиталя для бойцов, имеющих ранения в конечности. При первом же обходе мы обнаружили, что на весь госпиталь имеется только один травматолог, а остальные врачи — это терапевты, педиатры, окулисты и другие. Конечно, и лечение раненых желало много лучшего. Было жаль и раненых, и врачей. Пришлось учить коллег элементарным приемам профилактики вторичных деформаций, упорядочить системы скелетного вытяжения, гипсовой техники и многому другому. А мы были моложе врачей госпиталя, и они, естественно, относились к нам с недоверием, однако вскоре это прошло.

В институте шла интенсивная научная работа. Большая часть сотрудников была занята разработкой ортопедических операций, особенно у детей, с применением гибкого металлического стержня. Лечение последствий боевой травмы поставило перед институтом задачу изучить вопросы о дремлющей инфекции, которая приводила к гнойным осложнениям. Но самой трудной задачей было лечение больных с хроническим огнестрельным остеомиелитом. Нужны были глубокие экспериментальные исследования. И меня заинтересовала эта мало изученная тема.

Больно было смотреть на молодых людей, многократно и безрезультатно оперированных в разных госпиталах. У них были частые обострения, сопровождающиеся флегмоной, а после ее вскрытия свищами, через которые выделялся гной и кусочки омертвевшей кости (секвестры). Я страдала от своего бессилия. И наконец, решила действовать.

Многие коллеги с жалостью и неодобрением смотрели на меня – гнойная хирургия никого не увлекала, но я чувствовала, что должна помочь таким больным.

Собрав все данные по результатам экспериментов – рентгенограммы, данные гистологических исследований, я поехала в Ленинград к профессору Т. Я. Арьеву – главному авторитету в области хронического остеомиелита.

Данные экспериментальных исследований и результаты оперативного лечения легли в основу моей будущей докторской диссертации, защищенной 5 апреля 1965 года в Ленинградской Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. На большом ученом совете проголосовали 61 – «за» и 1 – «против».

Трудно перечислить больных, ушедших из нашего института здоровыми, без гнойных свищей и секвестров, без обострений. Одни снова вернулись на фронт, другие – на работу в тылу.

А как я стала «аллахом»? В клинику поступил больной, фронтовик. По-русски не говорил. Был крайне истощен – кожа да кости. В области крыла таза имелся свищ с обильным гнойным отделяемым, вокруг – несколько послеоперационных рубцов. Рентген показал, что в малом тазу вблизи крупных кровеносных сосудов находился гнойный очаг с металлическим осколком. Подобраться к осколку было очень трудно – рядом проходят крупные кровеносные сосуды. Решение пришло после мучительных раздумий. Операция удалась. Это было большой победой. От нас уходил не изможденный, еле стоящий на ногах, а нормальный, даже красивый, человек. На прощание он сказал мне: «Аллах не помог, ты не Аллах — помог». Человек любит читать о чудесах. Но в медицине их нет, мы не оживляем мертвых, но бывают случаи, когда удается сделать невозможное, может быть, это и есть чудо?

Огромную работу проделал институт по восстановлению здоровья фронтовиков, инвалидов Великой Отечественной войны, по возвращению их к труду, в свои семьи, к полноценной жизни.

В институте получили лечение 16.665 инвалидов Великой Отечественной войны, которым произведено 85.752 оперативных вмешательства. В этом есть и моя скромная доля.

В. Устинова

ТЫЛ ... В ПУСТЫНЕ ГОБИ

Юной гражданкой Березовского Ангелина Кожевникова стала в 1929 году, когда ей исполнилось 3 года, росла здесь, училась, многим знакома в Ново-березовском микрорайоне, так как занималась там общественными делами в составе совета ветеранов БЗСК. А ветеранские заботы ей близки, ведь сама является ветераном тыла.

В годы войны, вспоминает Ангелина Евстафьевна, в школе № 1 размещался эвакогоспиталь. Она в то время была подростком и, чем могла, помогала раненым. Ребятишки собирали для них продукты, одежду, хотя жители Березовского и сами-то недоедали – делились последним. В школе было тогда печное отопление, и учащиеся ходили на заготовку дров в лес за Кировский поселок. Мальчишки рубили топорами четырехметровые бревна, а девочки вдвоем на двух санках возили их во двор школы, потом все пилили их на чурки, кололи.

Чтобы дети в лесу не мерзли, им выдавали по два пакета химических реагентов, которые при увлажнении выделяли тепловую энергию. Пакеты привязывали на грудь и спину под одежду. Но поскольку питание было низкокалорийным, все равно мерзли. Всем казалось, что военные зимы были самыми холодными в XX столетии.

А с приходом весны силами школьников засаживались корнеплодными культурами поля Шиловского подсобного хозяйства продснаба. За работу ребят кормили там похлебкой из лебеды и крапивы и еще давали кусочек хлеба. Тех из них, кто выполнял двойную норму, организованно возили в ресторан, располагавшийся в одноэтажном деревянном здании на месте нынешнего дома № 46 на улице Ленина, где магазин «Малышок». Здесь угощали той же похлебкой, а на десерт – две столовые ложки манной каши с мелко стриженными конскими волосами. Кто-то ел такую кашу, а кто-то отказывался, потому что волоски очень сильно кололись.

В 1942 году Евстафия Кожевникова отправили в длительную командировку в Монголию от рудника в качестве сменного мастера в спецэкспедицию по линии Минцветмета СССР. В Монголии в шахтах добывались вольфрам и молибден, необходимые для выплавки стали, из которой изготавливались наши танки и самолеты. А в феврале 1944 года по направлению из Москвы уехала туда и Ангелина с матерью, поселившись в суровой пустыне Гоби. В

мае того же года Геля, ей тогда было 18 лет, поступила работать пробщиком-чертежником и пробыла в Монголии до апреля 1948 года.

Ночью, в третью смену работала в дробильном отделении фабрики, где по транспортеру сыпалась черная вольфрамовая сажа, которую загружали в бумажные мешки, а потом вагонами отправляли в Союз. А днем ей приходилось оформлять документы, делать зарисовки скважин с содержимым, производимым на фабрике. Предприятие было режимным, объект засекреченным, и никто не имел права разглашать, что там производится.

За работу там Ангелина Евстафьевна получала благодарности, ценные подарки, а еще напоминаям о тех трудных и далеких годах всегда служит медаль «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

На лесозаготовках

А. Яновская, Верхняя Салда

ПАМЯТЬ НАШИХ СЕРДЕЦ

22 июня, началась война.

Нам было в то время по 16–17 лет. Но мы быстро поняли, что обстановка в стране стала очень напряженная, что только сплотившись, общими усилиями сможем выгнать фашистов из нашей страны.

На наших глазах быстро вставали в строй новые заводы. Со слов наших руководителей мы, например, знали, что в Советском Союзе есть только три, таких, как наш, оборонных заводов.

Мы работали на заводе, где не было ни душевых, ни раздевалок, туалет был на улице. Работа на заводе проводилась в две смены, пересменка была два раза в месяц, это 1 и 16 числа каждого месяца. Смена, работающая с 8 часов утра, заканчивает свою работу в 8 часов вечера и через 4 часа, то есть в 12 часов ночи, приступает снова к работе, а смена, работающая с 8 часов вечера до 8 утра, снова приступала к работе в 12 часов дня. Ни выходных, ни праздников у нас не было всю войну. В обеденный перерыв ходили в столовую с продуктовой карточкой. В столовой из карточки вырезали талоны на продукты, из этих продуктов был приготовлен обед. Нальют поварешку супа в тарелку (где крупинка за крупинкой бегают с дубинкой), на другую положат ложечку кашки, да стаканчик чая. Посчитаем эти ложечки – и снова к станку, за работу.

Первое время я работала на прессе, моей сменщицей была Рыбакова Валя. Через некоторое время я уже работала на правилке под руководством мастера Рязанцева. На правилке пропускали листовое железо и цветную полосу разного размера. На каждую партию нужно было настраивать валки, чтобы все было по заказу.

В городе работали две школы. В третьей школе № 1 организовали военный госпиталь. Завод шефствовал над госпиталем. Было небольшое подсобное хозяйство на Чернушке. После ночной смены мы обучались военному делу: химической обороне, стрельбе, метанию гранаты, оказанию медицинской помощи, устройству и вождению грузовой машины и т. д. Это была подготовка молодых девушек на танкистов. Шефствовали над школами, девушки-заводчанки были звеньевыми, отрядными и старшими вожатыми. Также работали в подсобном хозяйстве, ухаживали за ранеными в госпитале, готовили и посылали теплые вещи для фронта: носки, варежки и другие

необходимые вещи. Все поручения выполнялись под руководством комитета комсомола во главе с комсоргом В. Г. Лебедевым.

В это время у нас в городе было только два благоустроенных дома, это дом специалистов – над магазином № 1 и дом нормального типа, где находится арка.

В основном люди жили в своих домах, в поселках 1 и 2 и в бараках.

Мы считали счастливыми тех, кто жил в своих домах. Некоторые домохозяйки не работали на производстве, имели свой огород, корову, кур, а может и другую живность. Они продавали молоко, картошку.

Нам, заводчанам и колхозникам, вернее сказать, труженикам тыла, досталось на всю жизнь. Вспоминаю своих подруг: Тимохова Ольга, Кальченко Зоя, Савченко Нина и другие. Работая на станках, надо было выполнять нормы, срочные заказы. И мы выполняли и перевыполняли нормы, потому что вся страна смотрела на нас и ждала от нас помощи.

20 ноября 1944 года по указанию ЦК комсомола и обкома комсомола я была направлена на комсомольскую работу в освобожденные районы запада. От Свердловского обкома было направлено всего 6 человек. В ЦК ВЛКСМ Белоруссии меня направили в Сморгонский район Молодечненской области. Оформили старшей пионервожатой в школе, но Сморгонский райком партии утвердил меня ответственной уполномоченной по Залесскому сельсовету. Там я выполняла пионерскую работу, создала комсомольскую организацию, занималась решением всех необходимых жизненных вопросов. Сначала жители встретили меня недружелюбно, говорили – советскую шпионку прислали, всех в Сибирь вышлют. Но приглядевшись ко мне и к моей работе, они поняли, что я нахожусь здесь не ради себя, а ради их же блага. Люди стали обращаться ко мне за помощью, даже приглашать на свои праздники, свадьбы, и я старалась им не отказывать и помогать всем, чем могла. Только в 1947 году, в декабре, я вернулась в Верхнюю Салду.

И. Коснырев

СТРОИТЕЛЬ УРАЛЬСКОГО БРОНЕПОЕЗДА

Михаил Закирович Закиров – потомственный железнодорожник. Его отец Закир Гарипов строил железные дороги на Южном Урале. В Шувакиш семья переехала в 1928 году, в год рождения Михаила.

Как опытный путеец, уже имеющий солидный стаж строительства стальных магистралей, он в годы первых легендарных пятилеток строил подъездные железнодорожные пути от станции Шувакиш (бывший 120-й разъезд Уральской Горнозаводской железной дороги), к гигантам уральских строек: Уралмашу, Верхнепышминскому медэлектролитному заводу, СУГРЭСу. После окончания строительства этих подъездных путей, он перешел в Нижнетагильскую дистанцию пути на эксплуатацию существующих магистральных железных дорог и работал на Свердловской железной дороге, на станции Шувакиш, до выхода на заслуженный отдых. Большая семья Закировых проживала в старой путевой казарме, сооруженной еще при строительстве Уральской Горнозаводской железной дороги в 1878 году и в которой жило несколько поколений путейцев, в коммунальной квартире, где в одном подъезде жило несколько многодетных семей, все держали коров, стесненность была ужасной, никаких удобств. Такое проживание ветерана, главу большого семейства, не устраивало. Ждать благоустроенного жилья на линейной станции в те годы было несбыточной мечтой. На семейном совете решили строить свой дом. В ту пору руководством дороги и местными властями это поощрялось. Сыновья подросли, хоть и подростки, но топор и молоток в руках держать умели, стали хорошими помощниками по хозяйству, да и до создания сыновьями своих семей осталось недолго. Дистанция пути выделила в полосе отвода железной дороги земельный участок с перспективой. Дружно всей семьей с помощью соседей и родственников построили просторный жилой дом, привели в порядок усадьбу, раскорчевали участок под огород, построили баню и хлев для скота и стали дружно и слажено большой семьей жить в своем доме. После службы в армии старший сын Петр завел свою семью и построил рядом свой дом со всем необходимым приусадебным хозяйством. Свой семейный дом построил Михаил, самый добротный и красивый. Последним построил свой дом младший Закиров – Николай, работник вагонного депо Свердловск-пассажирский. Местные жители эти рядом построенные дома стали называть заимкой Закировых.

Шел второй год жесточайшей войны с германским фашизмом. Подавляющее число военнообязанных мужчин поселка были призваны на фронт. В семьях с тревогой ждали писем. Часто в поселок приходили похоронки. Переживали и горевали все вместе. Практически из каждой семьи родственники были на войне. Призывали на фронт и старшего брата Михаила – Петра, едва наступил его призывной возраст. Ушел на фронт основной кормилец большой семьи Закировых, в семье было шестеро детей. Как только Михаил закончил пять классов школы – в те времена это было приличное образование. По стопам старшего брата поехал устраиваться на работу в Сортировку, во второй вагонный участок – ныне вагонное депо Свердловск-сортировочный.

В отделе кадров депо Михаила встретили радушно. Здесь ценили работников из Шувакиша – работоспособных, крепких и дисциплинированных. Хорошо знали, что ребята жили в семьях, имеющих свое хозяйство, и к труду были приучены с детства. Спросили: «Сколько тебе лет?». С гордостью ответил: «Четырнадцать!». Мужчина и женщина, сидевшие за столом, с добродушной улыбкой переглянулись. Видимо, им понравился невысокий, но крепкий паренек. А Мише сразу подумалось: «Примут!». Оформив все необходимые документы, кадровики объявили: завтра с утра поступаешь в распоряжение бригадира Александра Яковлевича Копырина в цех автотормозов. Домой летел, как на крыльях, даже не стал ждать вечернего дачного поезда. Всю дорогу из Сортировки до Шувакиша бежал бегом, чтобы поделиться с домашними, что приняли на работу! Радоваться было чему, ведь кроме заработной платы, Мише полагались хлебные и продуктовые карточки! Будет ежедневно получать по 700 граммов хлеба и продукты. Отец, путейский рабочий, получал только по 600 граммов. Теперь Миша в семье не иждивенец, а кормилец, вместо старшего брата, воевавшего на фронте.

Так с 11 июня 1942 года Михаил начал осваивать сложную и ответственную профессию слесаря-автоматчика по подготовке грузовых поездов в рейс.

Вскоре его и еще нескольких мальчишек пригласил к себе в кабинет лично начальник депо. Кроме ребят в кабинете находились мастер и военный, с двумя шпалами в петлицах – военпред, узнали ребята позже. Начальник каждому из ребят, как взрослому, крепко пожал руку и объявил: «Поступило срочное и ответственное задание Государственного Комитета обороны – в кратчайший срок подготовить для Красной Армии вагоны специального назначения. Все вы с завтрашнего дня переходите в подчинение нового мастера в специально подготовленный цех. Будете работать под контролем представителя Армии – показал он на военного».

Так мы в составе специальной бригады, в специальном цехе приступили к монтажу артиллерийских бронеплощадок для грозного бронепоезда, кото-

рый подавляющее большинство работающих в цехе видели только на картинках, в книгах о гражданской войне, – вспоминает Михаил Закирович. Позднее мы узнали, что паровоз для бронепоезда одевают в броню в паровозном депо станции Свердловск-пассажирский.

В вагонном парке депо подобрали первую новую, 20-тонную платформу с усиленными рессорами. В специально подготовленный цех, в котором было два пути: один для монтажа бронеплощадки, а второй для движения и работы железнодорожного парового грузоподъемного крана, Цех был с четырьмя воротами, для каждого пути с обеих сторон цеха. Паровозом завели в цех подъемный кран, платформы с броневыми листами и подобранную платформу для монтажа бронеплощадки. Работа закипела, не прекращаясь ни на минуту. Работа велась под руководством опытных инженеров и мастеров, под строгим контролем военпреда. В считанные дни над платформой был сооружен мощный металлический каркас. Затем с помощью крана на каркас стали навешивать броневые листы и крепили их между собой и на каркасе на временные болты. После чернового монтажа бронезащиты, бронеплощадку паровозом вывели на специальный полигон. Проверили ходовые части вагона под броневой нагрузкой. Все нормально оценили специалисты. Выкатили настоящее боевое артиллерийское орудие и по команде военпреда начали обстрел броневагона – проверяли на прочность бронезащиту. Уральская броня не подвела – кроме незначительных вмятин, пробоев брони не было. Громкое «Ура» пронеслось над полигоном и возгласы: «Получайте, фашисты, уральский «подарок», уральская сталь не подведет!».

Бронеплощадку закатали обратно в цех. И тут наступил наш черед. Из подсобных рабочих мы превратились в клепальщиков, основных работников на монтаже броневых листов» – рассказывает Михаил Закирович. Каждая бригада состояла из четырех человек: двое ребят внутри броневагона и двое снаружи. Малорослые, шустрые пацаны могли забраться в любой отсек вагона. Миша был старшим в своей четверке. Фамилий ребят своей бригады не помнит, но их имена в памяти остались: Николай, Сашка и тезка – Минька. Ему, Шувакишскому крепышу, вручили здоровенную кувалду. Технология клепки была предельно проста, но тяжелая. Из отверстия добывали временный болт, вместо него из горна щипцами доставали раскаленную заклепку, устанавливали ее изнутри, в освободившееся отверстие, на заклепку устанавливали оправку и прижимали ее здоровенной кувалдой. Снаружи на раскаленную заклепку так же устанавливали оправку и Миша с трех мощных ударов кувалдой закреплял заклепку намертво. Пока устанавливали следующую заклепку, отдыхал. «За долгую смену намашешься кувалдой досыта, до боли в мышцах», – вспоминает Михаил. Качество каждого шва строго про-

верял вездесущий военпред. Как правило, замечаний не было. Ребята работали на совесть. Готовилась грозная боевая машина для родной Красной Армии, на разгром фашистских захватчиков. Работали под лозунгом: «Все для фронта, все для Победы».

Благодаря невероятным усилиям всех работников специального цеха, к которым в свободное от работы время, время своего отдыха, приходили помогать работники других цехов депо, других железнодорожных предприятий, задание Государственного Комитета Оборона было выполнено раньше установленного срока и с высоким качеством. Государственное задание выполняли практически все предприятия Свердловского железнодорожного узла: энергетики энергоучастка вели монтаж электрической части бронеплощадок, связисты налаживали внутреннюю связь и радиосвязь, путейцы готовили материалы и оборудование на платформы прикрытия для восстановления и ремонта разрушенного пути. Параллельно готовился экипаж бронепоезда, в основном из добровольцев. Отделы кадров железнодорожных предприятий и военкоматы были завалены заявлениями от добровольцев, даже от работников, имеющих бронь от призыва на фронт. Локомотивщики готовили локомотивные бригады, запасные части, инструмент и приспособления для ремонта паровозов в полевых условиях, прифронтовой полосы, оборудовали теплушки для отдыха сменных бригад. В Железнодорожном ФЗУ проходили обучение артиллеристы, зенитчики, пулеметчики и другие военные специалисты. Практические занятия, курс молодого бойца, строевая подготовка, боевые стрельбы проводились в районе Сортировки на специально оборудованном полигоне. Поэтому территория Сортировочного узла была объявлена закрытой зоной со строгим пропускным режимом военного времени и патрулированием территории.

Многолюдными и торжественными были проводы на фронт построенных бронеплощадок, вооруженных орудиями, зенитками и пулеметами, платформ прикрытия, и целый состав специально подготовленных теплушек для отдыха экипажа бронепоезда, под столовую, баню для размещения оборудования и продуктов питания. Провожали строители стальных крепостей на колесах, как подарок, как мощная поддержка родной Красной Армии в тяжелейший начальный период войны 1942 года.

Дорог этот подарок был и тем, что все участники строительства работали, не считаясь со временем, а в ряде случаев и со здоровьем. Когда работать становилось невмочь, а глаза слипались и смертельно хотелось спать, укладывались отдохнуть, тут же в цехе на верстаках, прикрывшись промасленной телогрейкой и никакой грохот не мешал поспать часок-другой и снова на боевой пост. Ребята трудились во фронтовых бригадах и дисциплина была военная.

За досрочный выпуск бронепоезда многие участники его строительства, передовики и мастера своего дела, были награждены правительственными наградами и высокими по тем временам премиями. «Узнал я об этом, уже работая в другом цехе депо, в парке отправления, – сетует Михаил. – В отделе кадров мне объяснили, что несовершеннолетним работникам в те времена государственные награды не полагались и для утеша сделали задним числом запись в трудовой книжке: «Благодарность за отличное выполнение специального Государственного задания». Много позже, в военкомате мне показали список представленных руководством депо к государственным наградам работников депо за досрочный выпуск бронепоезда. В числе первых была и моя фамилия, но она была вычеркнута и вместо моей написана другая, видимо, какого-то чиновника», – заключает Михаил.

По случаю досрочной отправки на фронт уральского бронепоезда, начальник дороги и начальник Политотдела дороги оформили рапорт Народному комиссару путей сообщения Л. М. Кагановичу. В числе подписавших рапорт был и житель Шувакиша, лучший электросварщик паровозного депо Свердловск-пассажирский, участник строительства бронепоезда Н.В. Логинов.

«Сменная работа в парке отправления мне, жителю Шувакиша, вполне подходила и нравилась: чаще и дольше бываешь дома, а не едешь каждый день. Лучше отдохнуть и с большим удовольствием поработать по хозяйству: огород, корова, свой дом требуют заботы и внимания – работы в домашнем хозяйстве всегда хватало, хоть работай круглые сутки. Да и на работе, в парке целый день на свежем воздухе – дело привычное» – вспоминает Михаил Закирович.

«Запомнился такой случай, – рассказывает Михаил, – как-то старший брат Петр написал с фронта письмо, что его посылают в Нижний Тагил, получать новые танки, легендарные тридцатьчетверки. Он, как тракторист, служил механиком-водителем танка. Возможна встреча. Это известие обрадовало всю семью. В течение почти месяца мы всей семьей выходили к вечернему дачному поезду, идущему из Свердловска в Нижний Тагил, в надежде увидеть родного нашего воина Петра, хоть на несколько минут. Такое счастье выдается не всем. Вся семья выстраивались цепочкой вдоль перрона, чтобы быстрее увидеть родное лицо. Всей семьей приготовили посылку и подарки: насушили сухарей из любимого Петром домашнего хлеба, напекли картошки, которую он любил, домашних пирогов, бутылку свежего молока. Отец приготовил мешочек крепчайшего самосада. Сестра сшила и вышила красивый кисет под табак и нарезала тонкой газетной бумаги на самокрутки. Так и ходили каждый день к поезду, каждый раз меняя скоропортящиеся продукты на

свежие, пока не получили от Петра письмо с фронта, что он новый танк получил в Челябинске и воюет на новой замечательной, надежной уральской машине. Очень жалели, что встреча с родным человеком не состоялась. Посылку отправили по почте».

Городские ребята питаться ходили в деповскую столовую по продуктовым карточкам. Еда была неважнецкой, и парни явно голодали. Михаил в столовую не ходил, питался своим, домашним: картошка, бутылка свежего молока, летом – зелень с огорода, только хлеб получал по карточке. Вполне хватало, даже подкармливал своих товарищей по бригаде – печеной картошкой.

После завершения работ по выполнению важнейшего Государственного заказа, Михаил перешел на свою основную сменную работу в парк отправления слесарем-автоматчиком по формированию, подготовке к отправлению грузовых поездов.

Работа была трудная, чрезвычайно ответственная и опасная – все время под колесами. Поезда отправлялись на сложный уральский горный профиль с крутыми спусками и затяжными подъемами – один Дедогор на тагильском направлении чего стоил. Машинисты его побаивались. Но получая справку по тормозам от Михаила Закирова, они успокаивались: тормоза не подведут!

Михаил хорошо запомнил день Победы в мае 45-го: «Что-то надолго замолкла громкоговорящая парковая связь. Мы даже забеспокоились – все ли в порядке? И вдруг оператор намного громче обычного радостным голосом не объявляет, а кричит: «Дорогие товарищи, Победа! Только что передали из Москвы, что Германия полностью капитулировала! Ура, дорогие товарищи, с Победой всех Вас!». Что тут началось! Люди высыпали на улицу, крики «Ура!». Обнимаются, целуются, смеются, плачут. Одновременно загудели все локомотивы: паровозы и электровозы, к ним присоединились заводские гудки. Народ ликовал. Смотрю, – вспоминает Михаил, – ко мне бегут локомотивщики. В военные годы многие локомотивные бригады были женские: машинисты, их помощники и кочегары – в основном девушки, пришедшие на локомотивы по призыву комсомола: «Девушки – на паровоз!». Подбегают девушки, обнимают, целуют, пытались даже подбрасывать вверх. Так в юности я ощутил первый, крепкий девичий поцелуй. До сих пор помню их – с радостью и большим удовлетворением вспоминает Михаил. Часто смотрю на их фотографию, опубликованную, спустя десятилетия, в книге воспоминаний ветеранов войны, подаренную мне в Железнодорожном совете ветеранов. До сих пор помню номера их электровозов, в те времена они были закреплены за локомотивными бригадами.

Жить стало намного легче. Стали возвращаться по домам фронтовики, в основном, израненные и пожилые. Многие солдаты в эшелонах со скоростью

курьерских поездов промчались мимо родных мест на Дальний Восток, добывать японских самураев.

Сегодня Михаил Закирович на заслуженном отдыхе. Работ по дому, по хозяйству невпроворот, хоть круглые сутки работай. Но и без общественной работы Михаил не мог, чего-то не хватало в жизни.

«Как мужчина, – делится Михаил Закирович, – я честно выполнил все положенные заповеди: – вырастил сына, который пошел по стопам отца, работал электриком в родном депо; посадил и вырастил не одно дерево, а целый сад фруктовых деревьев, которыми любят сельчане и друзья; сам построил дом. Да не просто построил, а все сделал своими руками, от фундамента до крыши. Рядом с железнодорожной полосой отвода, оформил в поселке земельный участок. Подсчитал, сколько сосен необходимо на выделенном для дома участке свалить, чтобы хватило на дом. Оформил все это в лесничестве. Кроме официальной оплаты за лес, за представленные льготы несколько лет вязал для лесников метлы: лесники завозили на участок березы. Ветки шли на метлы, а стволы и сучья на отличные березовые дрова для дома и для бани. Мне выгодно и лесникам хорошо – выполняется план заготовок метел».

Сам свалил сосны, распилил, ошкурил, высушил и сложил добротный сруб для просторной избы. На Шувакишском кирпичном заводе сам участвовал в изготовлении кирпича для своей печи. Погрузил все на железнодорожную платформу и привез кирпич прямо к дому. Взял несколько уроков у опытного печника по кладке печей и сам, своими руками сложил громадную

русскую печь, которая уже несколько лет исправно служит его дому. Когда на электричке проезжаешь мимо усадьбы Закировых, то любишься красиво отделанным домом и образцовым порядком на участке. Администрация поселка на ежегодных конкурсах ко дню поселка присваивает усадьбе Закировых почетное звание «Образцовое подворье».

Михаил Закировович, находясь на заслуженном отдыхе, несмотря на занятость по хозяйству, активно участвует в общественной жизни поселка, такого его неугомонная душа. Он одним из первых в поселке единодушно дважды избирался Депутатом поселкового Совета. Он много лет бессменный председатель Совета ветеранов пристанционного поселка – правая рука, верный и надежный помощник у главы Администрации поселка. Он в числе основных организаторов всех важных мероприятий, торжеств и праздников в поселке. Вот уже несколько лет регулярно проводятся массовые праздники «День поселка». Закиров не только один из организаторов, но и душа коллектива. Он со своей гармонью развеселит любую компанию.

И. Дёмин

НЕ УСТУПАЯ МУЖЧИНАМ

Среди тружеников Свердловского проектного института Уралгипромез было очень много женщин, которые работали в военное время дни и ночи как в самом институте, так и на строящихся заводах. Они были незаменимы в каждом деле, проявляли исключительно высокую сознательность и ответственность.

В первую очередь надо сказать о С.В. Шапиро, выпускнице Уральского политехнического института. Она самоотверженно трудилась в Уралгипромезе четыре десятилетия. Шапировские проекты строительного профиля неизменно отличались высоким качеством. Софья Вениаминовна работала не только на уральских стройках, но участвовала и в восстановлении заводов в освобожденном от врага Сталинграде. Вот как она вспоминает те дни: «Еще шла война. Работали в тяжелых условиях: жили в бараках, спали на двухъярусных койках, помещения обогревались железными печурками. Чертить приходилось на фанерных листах. А питались больше всухомятку».

Одной из старейших и добросовестных сотрудниц института была К.Н. Чернова. Она окончила курсы чертежников и в тридцатые годы вместе с другими гипромезовцами уехала на Магнитострой и работала там на сооружении первой доменной печи будущего металлургического комбината. Всю войну неутомимо трудилась в копировальном бюро Уралгипромеза, много лет возглавляла его.

В 1942 году в Уралгипромезе образовалось чертежно-конструкторское бюро (ЧКБ). Его возглавляла Л. Н. Елисеева. В составе бюро работали молодые девушки, в том числе Вера Алексеева, Марина Зырянова, Мария Скрыпеева, Лидия Байдова, Мария Пьянкова. Еще гремели пушки на западных границах нашей Родины, и раненые воины постоянно прибывали в Свердловские госпитали. Персонал медиков не всегда успевал справляться с потоком, с организацией обслуживания лечившихся здесь защитников Родины. И вот по инициативе инженера-конструктора прокатного отдела Уралгипромеза Л. Блант, поддержанной партийной и профсоюзной организациями, проектировщики института решили взять шефство над одним из госпиталей. В группу шефов в разное время входили и девушки из ЧКБ.

«Наш подшефный госпиталь находился на улице Декабристов, – рассказывает М.С. Воронина (Пьянкова). – Мы ходили туда после основной работы

три раза в неделю. Шефствовали над палатой тяжелораненых: слепых, безногих и безруких. Под их диктовку писали письма родным, читали ответы из дому. Помогали раненым: водили их, возили на колясках в зрительный зал на киносеансы, пересказывали им содержание фильмов. При выписке из госпиталя выздоровевшим бойцам дарили цветы и подарки». А вот другой рассказ – М. Зыряновой (Гурлевой): «В ЧКБ я поступила в ноябре 1943 года шестнадцатилетней девчонкой. Однажды меня вдруг направили на лесозаготовки. Привезли нас в Ирбитский район, в деревню Зайково, поселили в бараке. Холодно, голодно. В лесу по колено снега, а я в стареньких ботиночках. Дней 10 проработала и решила съездить домой, чтобы одеться потеплее. Ехали с подружкой по одному билету, так как у меня не было денег. Я пряталась от контролера под лавкой. Прожила дома два дня, нашли большие валенки и стеганые брюки. Надела на себя все это, возвратилась в лесной барак. Опять начала работать, да так, что телогрейка становилась мокрой: грузили бревна в вагоны, очищали от снега платформы и шпалы. В общем, я трудилась на совесть ради нашей победы. Дни с 19 ноября по 29 апреля показались длиной в год. Ели в основном картошку и хлеб, которого выдавали по 800 граммов. Бодрости было не занимать, хоть домой я возвратилась простуженная и похудевшая...».

Эти девушки, чертежницы и копировщицы, работавшие в институте, в госпитале и на лесозаготовках, давно уже бабушки. Но и поныне помнят они благодарные улыбки раненых, их слезы, печали и радости, рассказывают о себе, вспоминают рассказы бойцов.

А. Черемисин

НЕ ДУМАЯ О НАГРАДЕ

Наш колхоз в деревне Лаптевой Махневского района к концу тридцатых годов жил весьма неплохо. Мы, мальчишки, днями крутились около конной техники, а уж трактор вообще считали за чудо. Меры для повышения продуктивности животноводства и полеводства принимались самые серьезные. Неграмотных животноводов обучали на курсах в Свердловске. А от нас до ближайшей станции железной дороги было более ста километров! Скептики не поверят, но это правда – на работу в поле и луга люди шли с песнями!

На 8 Марта, 1 Мая и 7 Ноября в колхозе устраивали праздники, общий вкусный щедрый обед. В первую очередь за столы сажали детей. Пели и плясали под балалайку, под гармошку. Были и выпившие, и пьяные, но драк я не помню. После окончания весенних работ проводились гулянья жителей всех входящих в сельский Совет деревень. Да, если бы не война!.. И колхоз бы развернулся еще больше, и народ бы куда зажиточнее жил.

В 1941 году массовка пришлось на 22 июня. Гулянье было в разгаре, когда прошел слух, что германец напал на нас. Не было ни посыльного на взмыленном коне, как стали показывать в кино, ни собраний, ни митингов. Так называемые митинги стали проводить после выступлений Сталина. Не было на тех митингах патриотических речей.

В первый же день вручили повестки молодым мужикам, недавно прошедшим службу в армии. Мы, пацанята, не понимали озабоченности и тревоги взрослых и стариков. Мы хорошо помнили слова: «И на вражьей земле мы врага разобьем беспощадным могучим ударом». Старики же говорили, что у «ерманца сила большая и его не скоро одолеешь». Помню, как я успокаивал маму, что для службы в армии Коля молод, а папа стар. Мой дядя, старый солдат Алексей Васильевич Корчемкин, прошедший Первую мировую от звонка до звонка, сказал: «Нет, Шура, для этой войны и Коля будет не молод, и папа не стар, да и Володе придется повоевать. Ты, может, еще не успеешь». Слова старого солдата подтвердились полностью. Брата призвали в день 18-летия – 7 октября 1941 года, папу – той же зимой. Зимой 1943-44-го взяли в армию и второго брата.

Прошло почти 70 лет, а сердце болит, когда вспоминаешь отправку на призывной пункт наших колхозников. Уходили пахари и косари, уходили отцы и братья друзей и соучеников. С фронта шли все более тревожные ве-

сти, пришли первые похоронки, и мы уже не думали о скором окончании той войны. Мы понимали, что на войне убивают не только чужих, но и наших тоже. (После войны в нашу деревню вернулся только один из каждых троих, ушедших на фронт.) На проводах были и частушки под гармошку, но больше запомнился женский плач. Многие оставались с тремя-четырьмя детьми мал мала меньше. Да, это была поистине тотальная мобилизация.

Не позднее чем через неделю после начала войны была проведена комиссия всех лошадей. Молодых и здоровых отобрали в Фонд обороны. Фондовские лошади были поставлены на отдых и откорм. Примерно через месяц наших лучших орликов и любимцев угнали. Не думаю, что все они возили артиллерийские орудия, но когда я вижу в кинофильмах о войне в струну вытянутых коней, вытаскивающих гаубицу из болота, я представляю, что это лошади нашего колхоза.

Даже во время войны мало кто знал, что на фронт забирали собак. Осенью 1942-го забрали и нашего Мальчика – крупную лайку. Через два дня он вернулся: перегрыз веревку. Но дезертира вернули в строй. Он был смелым псом и, наверно, подорвал какой-нибудь фашистский «тигр».

Осенью 1941 года к нам прибыли эвакуированные. В основном – жители Беломорска. Это были женщины с малолетними детьми и старики. Хотя среди приехавших работников было раза в три-четыре меньше, чем едоков, неприязни к ним не было, лишь сочувствие к их положению. Расселили приехавших по домам и поставили на довольствие, которое было невелико, но, по крайней мере, в голодный обморок никто не падал. Через год ребятишки окрепли, привыкли к сельской жизни и ничем не отличались от нас.

Женщины наравне с колхозниками работали, подружились между собой и так привыкли друг к другу, что когда в 1944-м беломорцы уезжали, то все плакали.

Когда началась война, поля были засеяны. Через неделю надо было начинать сенокос, а косить, метать зароды некому. И опять без громких слов о зове партии, о долге вышли в поля те, кто уже много лет не работал по старости или немощи. Ребятишки как будто повзрослели сразу на год-два. Те, кто возил копны (самая любимая детская работа, почти удовольствие) – взяли деревянные трехрогие вилы и стали копнить. А на самую массовую работу – ворочать кошенину и грести сено – выходили все, от 7 до 80 лет. На работу шли рано и работали, если надо, до позднего вечера, вернее, до вечерней росы.

Особенно тяжелой была ручная жатва и вязка снопов за жаткой-самосброской. Тяжелую горсть сжатого хлеба (стеблей с колосьями) нужно собрать, поднять, положить на заранее приготовленную вязку из того же соломенного пучка и, как поясом, стянуть этой вязкой «горсть». Упираясь в ко-

лючую солому коленом, завязать пояс специальным узлом. Связанные снопы нужно стаскать, поставить в суслоны и накрыть крышкой, сделанной из этих же снопов с разогнутыми в виде зонта стеблями с колосьями. Когда снопы в суслонах просохнут, их повезут на гумно, сложат в скирды – клады, как у нас называли. Молотить их будут, скорее всего, поздней осенью или зимой, после окончания уборочных работ. Это будет новая страда.

Это на бумаге быстро и легко, а на воз или кладь подать эти, хотя и подсохшие, но все же тяжеленные, снопы непросто. Тележный воз бывал высотой метра два, а кладь и все три-три с половиной. Из механизации – деревянные двурогие вилки. То, что мужики делали шутя, подростки и женщины — через силу. Лишь одно благо было в пору уборочной – люди, лошади и скот могли наесться досыта. Поспевший хлеб обмолачивали, везли на мельницу и на каждый трудодень выдавали граммов по 200 муки.

Дважды за лето перепаживались и переборонивались в два-три следа пары под озимые. Унавоженная земля становилась рыхлой, как пух, а до того подростки-пахари и бороноволоки – дети, зачастую босиком, исходят ее вдоль и поперек (называли «поперечить и долить») по твердым комьям – «глызам». За день ноги отерпятся, и боли почти не чувствуешь, а утром встать на них не можешь. Поморщишься – и снова боронить...

Хлеба почти все убраны, на паровых полях вначале появляются красноватые жидкие всходы, незаметно переходящие в сплошной ярко-зеленый ковер. Наступает новая страда – надо картошку копать – вручную, вилами. Я не помню ни одной сухой военной осени. Картошки садили много и всю, кроме семенной, сдавали государству: надо кормить рабочих. Мокрую картошку ведрами таскали, ссыпали в короба на телеги, по ступицу взнувшие в грязи, и везли в какую-нибудь пустую избу на просушку. Только после переработки загружали ее в овощехранилище. Вся картофельная страда проходила, когда уже летели «белые мухи» и по утрам земля белела от инея. Конечно, ни плащей, ни накидок, ни резиновых перчаток не было и в помине.

Еще напряженнее была молотьба осенняя. Твердое задание на госпоставки, жесткие сроки и строгий контроль райуполномоченных заставляли молотить и в ночную смену, после отработки в поле. К утру молотильщики уставали до изнеможения, но после небольшого отдыха снова выходили в поле. Намолоченное из невыстоявшихся снопов зерно нужно было просушить. Над выкопанной на каком-нибудь склоне возле ручейка топкой устанавливался большой противень-сушилка, на который насыпалось зерно. Нужно было круглосуточно подбрасывать дрова и постоянно перемешивать зерно, чтобы оно равномерно просыхало.

Сухое зерно снова ссыпали в мешки и доставляли на государственный склад, который находился на другом берегу реки, в трех километрах от нас. Для этого строилась паромная переправа – деревянный плот-перетяга с четырьмя столбами по углам. Через реку натягивался трос, от длительного служения весь покрытый ржавыми острыми колочками. Телега с мешками въезжала на плот, и мы, возчики, ухватившись за трос и выбирая на нем места, где поменьше колочек, изо всех сил перетягивали плот к другому берегу. Часто тощей лошадке не под силу было вывезти тяжелый воз в крутую гору, и мы, 13–14-летние «мужики», вытаскивали на спине мешки весом по 60 кг.

Хлеб, картофель, молоко – главные продукты госпоставки. Но было задание на поставку сена, кедровых орехов, яиц и – трудно сейчас поверить – овечьего молока. Говорили – «на брынзу». Генетически не приспособленные к дойке, наши овечки всем стадом давали не больше чайной чашки молока, правда, жирного до желтизны. Из-за малости надоев план поставки был сорван, и, слава Богу, никого за это не наказали.

Не легче колхозно-крестьянская работа была и зимой. Заготовленное в лугах сено нужно было привезти на скотный или конный двор, скинуть (отметать) на сеновал. Езда на голых дровнях в рваной одежде и обуви доводила до окоченения. Согревались только тем, что бежали за санями. Так же вывозили из леса дрова.

Очень тяжелой была работа доярок. Подоить десятки коров, раздать корма, натаскать из колодца воды, напоить скотину, убрать навоз – все это вручную, бродя по щиколотку в навозной жиже. О резиновых сапогах доярки даже не помышляли.

Говоря о деревенских тружениках тыла, нельзя не сказать о такой сезонной трудопвинности, как лесозаготовки, проводимые зимой. Колхозу устанавливалось задание направить определенное количество людей и лошадей. Не каждый человек мог поехать на тяжелую, опасную работу с отрывом от семьи – уговаривали бездетных и малодетных солдаток-вдов, у которых были свекровь или мать, способные присмотреть за детьми. Жили эти лесорубы в деревянных бараках, условно разделенных на две половины – женскую и мужскую. Посередине стояла огромная печь с плитой. Около входной двери

сушилась конская сбруя – хомуты и седелки. По пояс в снегу, вручную – топором и пилой – валили деревья, обрубали сучья. В барак возвращались, чтобы сварить ужин, обсушиться и немного отдохнуть за ночь. Мне кажется, что «Один день Ивана Денисовича», описанный А. И. Солженицыным, показался бы колхозникам-лесорубам днем отдыха.

Картина будет неполной, если не рассказать о сельской школе военных лет. Особенностью военного времени в школе было обязательное изучение военного дела для мальчиков и санитарная подготовка для девочек. В школе были военизированные дежурные и дневальные с противогазами на боку и бутафорскими винтовками у ноги. Несмотря на то, что большинство ребят ходили в школу за несколько километров с переправой через реку, все школьники перед занятиями делали зарядку «на свежем воздухе». Ежедневно был и санитарный осмотр. Об «обнаруженных врагах» санитарии и гигиены докладывалось завучу на общешкольной линейке. С точки зрения такта это было нездорово, но зато очень действенно – не было ни эпидемий, ни даже педикулеза. Все те же колхозники вовремя завозили дрова, а самое главное, для всех школьников было организовано питание по символической цене, можно было съесть тарелку супа с картошкой и капустой, маленькую порцию пюре или горошницы. Не помню, бывали ли каши, но вот мяса, точно, не было. Это было скудное питание, но оно помогло ребятам сохранить здоровье.

Без ребячьих рук трудно, да и невозможно, было управиться на посевной и уборочной, поэтому старшеклассников весной освобождали от занятий на две-три недели раньше, а осенью учебный год начинался в основном с первого октября.

Вот таким был тыл в далекой уральской сельской глубинке. Труд, выполняемый женщинами, детьми и стариками, по нормам мирного времени кажется непосильным и невозможным. Но так уж устроен человек, что в трудное время он способен на очень многое, не считает это подвигом и не думает о наградах.

Н. Смирнова

«НЕКРАСОВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ»

Все дальше уходят военные годы, все меньше остается тех, кто ценой неимоверных усилий приблизил великий День Победы. В этих небольших заметках хочется рассказать о работе Свердловского химико-фармацевтического завода, больше известного как завод медпрепаратов, в годы войны.

Я проработала на заводе 35 лет, в течение 25 участвовала в деятельности нашего музея, где была председателем Совета. Мы буквально по крупицам собирали историю коллектива.

Фармзавод № 8 – так он назывался до войны – был организован в 1930 году и в течение 10 лет выпускал различные лекарственные мази, настойки, порошки из привозного сырья. На заводе были винторезный цех, механическая и стеклодувная мастерские, где делали металлические зубные протезы, пинцеты, пипетки, пробирки, воронки и т. п. Работало 215 человек, в основном это были малограмотные женщины.

Перед войной появились специалисты, была создана своя лаборатория. В это время на кафедре органической химии УПИ под руководством будущего академика И.Я. Постовского был синтезирован сульфидин – препарат, впоследствии спасший жизнь тысячам раненых бойцов. В 1940 году директором завода становится энтузиаст фармацевтического дела на Урале С.К. Розенштейн, по инициативе которого была создана группа специалистов по освоению нового лекарства. Завод предполагали реконструировать на выпуск сульфамидных препаратов. С этой целью заводчане создали опытную установку, и к маю 1941 года удалось наработать первый килограмм сульфидина.

Грянула война, и коллектив завода, как и вся страна, срочно перестроился на военные рельсы. Под руководством главного инженера А. Ф. Петровой шел монтаж химического цеха, а пока лекарства «варились» в тазах, кастрюлях, ведрах. Значительный вклад в усовершенствование производства лекарств внесла опытный инженер-технолог М. Н. Смирнова.

Но никто не падал духом. И в конце 1941 года провели-таки капитальный ремонт, значительно увеличив мощности основных отделений завода. Больше стали выпускать настоек, йода, валерианы и других лекарств. И уже 3 декабря 1941 года запустили цех стрептоцида, а 25 декабря закончили монтаж отделения мыла «К» (жидкое мыло, которым мылись всю войну). В конце того же 1941 года получено 43 кг сульфидина. Это была маленькая, но победа!

В это время на Урал прибывают первые эвакуированные специалисты из Харькова, Москвы, с химзаводов и ВНИХФИ. Вслед за ними поступило оборудование с родственных предприятий.

К сожалению, оборудование часто поступало в комплекте, приходилось его дополнительно оборудовать и пускать в дело – ведь лекарства так нужны были фронту! Поэтому на монтаже химического цеха работали по 14–16 часов в сутки. Некоторые спали прямо на заводе, а кому было очень необходимо – ведь дома оставались голодные дети – приходилось идти пешком, ибо с транспортом было туго. Все мужчины уходили на фронт, вместо 255 человек по штату работало 192, так что приходилось трудиться и за себя, и «за того парня».

1942 год стал переломным. Несмотря на нехватку персонала, удалось увеличить выпуск изделий. Одновременно освоили 27 новых лекарств. Освоили выпуск рентгеновских экранов. Очень нужны были сульфамидные препараты для лечения гнойных ран. Освоили и их. И когда ветеран тыла и фронта Ирина Михайловна Зыкова получила на медсклад в действующей армии первую партию сульфидина, норсульфазола с родного завода, радость ее была беспредельной. Капитан медицинской службы, инженер-фармацевт плакала: «Родные мои! Освоили, выручили-то как!».

Условия труда были очень тяжелые. Из-за отсутствия вентиляции работали в противогасах. Много было ручного труда. Например, наливали аммиак из бачка в ведра, потом загружали в аппарат. Котельная завода работала на дровах, которые возили на санках со станции Шарташ.

Для проведения реакции нужен был лед, его брали опять же на озере Шарташ. Единственным видом транспорта на заводе был конь Колька. Не было спецодежды, ее шили сами из марли и ваты. Ботинки были на деревянной подошве.

После смены молодежь ходила на вокзал разгружать вагоны с ранеными, помогали и в госпиталях. Очень было холодно, голодно. Работающим давали хлеб по карточкам – 800 граммов, его надо было еще разделить с родными. Чтобы как-то помочь людям на заводе, по инициативе директора была открыта столовая, организовали отоваривание продуктовых талонов. Ведь приходилось работать по 11–12 часов. В столовке подкармливали по справкам медпункта совсем ослабевших. Часто это был просто кусочек хлеба, намазанный лярдом – американским жиром, который поставлялся по ленд-лизу, или с повидлом. Бесплатным был только чай. Раз в месяц выдавали 300 г рыбьего жира. Часто заводчане ездили на заготовку картошки и овощей для столовой. Выжить в таких условиях народу помогли доброе отношение друг к другу, благородство души, сострадание, взаимовыручка.

Связь фронта и тыла была постоянной. И не только тем, что туда шли наши лекарства, но и теплом женских рук и сердец. Писали письма братьям, мужьям, сыновьям и любимым. Девчата шили кисеты, собирали посылки, вязали варежки и носки. Восемьдесят шесть писем опубликованы в рукописной книге Б. Четверикова «Живая связь». Таких книг всего 4 экземпляра, одна в музее. Это переписка автора с любимой девушкой Ниной, работницей завода. Нина ждала письма Бориса с фронта, беспокоилась, если долго не было ответа, рассказывала о заводских делах, посылала приветы от сослуживцев. Борис и Нина поженились сразу, как только он демобилизовался.

Наши труженицы тыла каждый год осваивали новые лекарства, выполняли и перевыполняли планы. Были на заводе свои стахановцы, «фронтные бригады». «Некрасовские женщины» – так назвал их консультант ВНИХФИ, работавший на заводе в годы войны Б.И. Хмелевский. С 1940 по 1945 год производство выросло в 4,3 раза. В конце войны медпрепаратовцы освоили

первый антибиотик – грамицидин. За несколько дней до победы все чего-то ждали, предчувствовали. На площади 1905 года последние дни сидели в ожидании инвалиды войны, женщины с детьми и смотрели на репродуктор, висевший на здании горсовета. 9 мая 1945 года в 4 часа утра в нашем подъезде поднялся шум: плач, взволнованные речи, люди обнимали друг друга. Так мы узнали о победе. Как мы ждали ее все эти тяжкие годы...

Все смогли, все вытерпели труженики тыла – ведь здесь, как на фронте, все делали во имя великой нашей Победы.

И.М. Зыкова, участница тыла и фронта, капитан медицинской службы, начальник цеха Химфармзавода, г. Свердловск

Ю. Коньшин

МОБИЛИЗОВАННЫЕ ВОЙНОЙ ГЕРОИ

Одной из самых уважаемых ветеранских организаций свердловского региона является «Союз «Тыл - фронту». Создана она была силами пенсионеров-общественников в 1994 году, сразу после выхода в свет обновленного, одобренного Госдумой и утвержденным правительством Российской Федерации «Закона о ветеранах».

Этот правительственный документ всколыхнул тогда и ветеранскую общественность Уральского региона. Ведь именно здесь полуголодные мальчишки и девчонки вместе с женщинами и стариками неустанно ковали в 1941-1945 годах оружие Победы, кормили, поили и одевали многомиллионную армию, отвоевывавшую у захватчиков западные земли Отчизны. Официальные источники подтверждают это, цитирую: «Более 40 процентов всей производимой в годы Великой Отечественной войны боевой техники, снарядов и мин было произведено на Урале». К этому официальному документу можно добавить, что по отдельным видам вооружения, по танкам, в частности, эта цифра поднималась почти до ста процентов. На фронт непрерывным потоком шли отсюда и грузовые эшелоны с хлебом, мясом и другими продуктами, лечебными препаратами, обмундированием.

Великими усилиями, большой ценой давалась эта продукция. Один небольшой эпизод из воспоминаний людей старшего поколения, характеризующий трудовой подвиг уральцев того времени:

В конце 1942-го, самого тяжелого для Отчизны года, на один из металлургических заводов Первоуральска, ставших в те годы номерными, то есть военными, приехал военпред. Нужно было ускорить выпуск и отправку на фронт снарядов, а также мин «с хвостовым оперением» для уже прославленных грозных «Катюш». Израненный, с обгорелым лицом танкист вместе с рабочими почти не выходил из цеха, видел, как изможденные работой и голодом мальчишки-подростки и женщины сутками не отходят от станков, стараясь поскорее и поточнее изготовить военную продукцию. Ведь над их головами висел огромный плакат с призывом: «Все для фронта – всё для Победы!». Он попросил руководство завода собрать «на минутку» членов фронтовых бригад в цехе. Танкист вышел к собравшимся в своем воинском обмундировании, стал перед подростками и женщинами на одно колено, как обычно склоняются воины перед своими святынями, боевыми знаменами,

и произнес от имени солдат и командиров Красной Армии слова сердечной благодарности за их неустанный труд....

И было чему поклониться. Мало того, что они не отходили от станков и верстаков. Сами полуголодные, они с огромным энтузиазмом выходили на субботники и воскресники, отдавая в фонд обороны весь заработок. Движение это тогда распространилось на всю область. Немало военной техники было закуплено государством для фронта на эти средства. Да и прославленный вскоре Уральский Добровольческий танковый корпус был создан на народные рубли.

Такое не стереть из памяти народа. Оно навсегда врезалось в сердца и души людей. Как сказал однажды поэт: «Нам в сорок третьем выдали медали, и только в сорок пятом – паспорта!».

Подобные факты носят в сердце многие пенсионеры Нижнего Тагила, Первоуральска, Серова, Верхней Пышмы, Среднеуральска, других городов и поселков области. И конечно же, Свердловска – Екатеринбурга. Например, те, кто в годы войны дневал и ночевал в цехах завода №73. Коллектив его в сорок первом был сформирован из предприятий, эвакуированных на Урал из Москвы (завод имени Калинина), Ленинграда (станкозавод), Харькова, Киева, Полтавы и других прифронтовых территорий. В начале сорок пятого этот коллектив, подкрепленный молодой порослью уральцев, был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Здесь в начале сорок второго появились первые фронтовые бригады, члены которых выполняли нормы выработки на 300, 400, 500 процентов. Движение стахановцев вскоре охватило все фабрики и заводы Среднего Урала и страны, колхозные бригады и получило новое название – «тысячники». Их костяк составляли те, на житейских историях которых написал свою повесть военных лет «Малышок» известный советский писатель И.И. Ликстанов. Ею зачитывалась вся молодежь огромной страны.

– Когда началась война, я пошла в ремесленное училище и вскоре уже работала на Верх-Исетском заводе, – пишет из Ленинабада бывшая свердловчанка Ксения Васильевна Симакова. Мы изготовляли минометы. Так как я была маленькая не только годами, но и ростом, не дотягивалась до суппорта станка, то вынуждена была вставать на ящик из-под снарядов. Но всегда выполняла по две-три нормы, мстила фашистам за погибшего на фронте брата».

Такие примеры могут приводить все молодые рабочие той военной поры. Не случайно, конечно, их соратники в середине девяностых годов и стали инициаторами создания в области общественной организации «Союз «Тыл – Фронту». Первыми объединились жители Каменска-Уральского. Почти сразу же их поддержали бывшие рабочие Свердловска-Екатеринбурга. Устав, программу действий разрабатывали такие известные среди людей старшего

поколения, лидеры движения Владимир Васильевич Конев, Владимир Ильич Молодцов, Римма Александровна Савельева и другие. Широко известны в регионе имена и других вожаков местных организаций Людмилы Павловны Кучевой, Геннадия Ивановича Гуляева, Зинаиды Михайловны Васениной, Людмилы Николаевны Гусельниковой и других. Первичные, заводские, городские и областная организации «Союз «Тыл – фронту» сгруппировали вокруг себя около полумиллиона труженников фронтового тыла. Сейчас в пенсионном строю осталось около восьмидесяти тысяч человек. Но их, конечно, гораздо больше. Ведь многие из работавших в военные годы воспользовались правом находиться на любой другой льготно-пенсионной категории, состоять на учете среди просто пенсионеров, ветеранов труда, «детей-сирот войны», инвалидов и даже блокадников Ленинграда.

Члены их по-прежнему деятельны и активны. Они помогают школьникам и студентам создавать музеи и памятники, учат чтить своих отцов и дедушек, ничего не жалевших для процветания страны, родины. Ведь патриотическое воспитание молодежи начинается именно с этого, с повседневного труда. Высокая гражданственность, как показала история создания этой уникальной организации, начинается буквально с первых шагов человека в жизни. Одна из главных задач активистов «Союза...», конечно же, максимально улучшить социально-бытовые условия труженников тыла. Да, государство что-то делает, но этих мер явно недостаточно. Так, власти региона увеличивают бюджетные ассигнования на санаторно-курортное лечение труженников тыла. Если в 2004 году на это было отпущено 24 миллиона рублей, то сегодня эта цифра возросла в три с лишним раза. И подобное увеличение бюджетных ассигнований продолжается. На них постоянно приобретаются для ветеранов полторы-две тысячи путевок. Кстати, те, кто не смогли по каким-либо причинам (неходячие, инвалиды и т.д.) подлечиться в «Сосновом Бору», Нижнетагильском «Руше», «Каменской здравнице», Первоуральском профилактории, на Нижнесергинском курорте или другом местном санатории, профилактории, получают на лечение денежную компенсацию.

Постоянно ставит вопросы об улучшении материально-бытового положения труженников тыла областной Совет ветеранов, пенсионеров (председатель Ю.Д. Судаков). Так, в 2011 г. на прошедшем в УрФО форуме труженников тыла от свердловчан выступил В.И. Молодцов, председатель совета ветеранов ОАО «Завод им. М.И. Калинина». Его выступление было взято за основу Обращения участников форума – труженников тыла к федеральным властям, а затем на юбилейном пленуме Совета Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) по инициативе нашего Совета было принято Обращение и к президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву.

Золотым, умудренным жизнью поколением называют в народе представителей «тыловиков-фронтовиков». Это им посвящены строки:

– Смотрю на вас, а вы совсем седые,
И подвиг ваш в войну неповторим...
Послушайте, друзья, ведь вы – СВЯТЫЕ,
Прошедшие огонь, труды и черный дым!

**Обращение участников форума тружеников тыла УрФО
г. Челябинск 15 ноября 2011 г.**

Председателю Государственной Думы Грызлову Б.В.

Уважаемый Борис Вячеславович!

В 70-ю годовщину скорбной для нашего народа даты вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, мы, ветераны – труженики тыла военных лет Уральского Федерального округа, собрались на форум, чтобы обсудить вопрос о роли Уральского тыла в Великой Отечественной войне. Обсудить и дать оценку состояния нынешнего общества и существования в нем поколения победителей, наметить пути борьбы с искажениями исторической правды. Донести до нынешних и будущих поколений, что означает фактор единения и сплочения народа в годину страшных испытаний, и как его использовать в нелегких ситуациях, возникающих сегодня.

Участники форума отмечают, что в последние годы государство приняло ряд мер по повышению качества жизни граждан старшего возраста. По заслугам подняты уровень пенсий и денежные выплаты инвалидам и участникам Великой Отечественной войны. Они обеспечиваются санаторно-курортным лечением, ежегодной диспансеризацией в медучреждениях, а также другими льготами социального характера. Положительно решается проблема жилья и выделения транспорта. Внимание государства, местных органов власти, ветеранских организаций в значительной мере способствует тому, чтобы люди, в смертельной схватке с врагом с оружием в руках защитившие страну, спокойно и достойно коротали свою старость.

По нашему мнению, такое же внимание должно уделяться и тем, кто в годы лихолетья ковал оружие победы. Фронта без тыла, как известно, не бывает. И народная мудрость «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют» точнее всего выражает суть единения и стремления всего народа к победе.

Весь тыл, весь советский народ самоотверженно работали для фронта, для победы над врагом. К станкам на заводах и фабриках, на колхозную ниву и транспорт, на строительство оборонительных сооружений пришли старики, женщины и дети. Только во второй половине 1941 года страна перебазиrowала в восточные регионы 2953 предприятия промышленности. Вместе с ними

лишь с Украины на Урал и в Западную Сибирь прибыли и были размещены 3,5 млн. эвакуированных. По мнению маршала Г.К. Жукова, операция по перебазированию сил и средств с запада была равнозначной «величайшим военным битвам Второй мировой войны».

Особую роль в обеспечении фронта боевой техникой, оружием и снарядами играли коллективы как старых, так и в рекордные сроки эвакуированных и быстро нарастивших свои мощности оборонных предприятий Урала. Ставшее крылатым определение «Урал — опорный край державы» полностью подтвердило свою правоту. Только Челябинск-Танкоград дал фронту 18 тыс. тяжелых танков и самоходных орудий, 48,5 тыс. танковых моторов, создал 13 новых типов танков и самоходок.

Более 50-ти тысяч танков были одеты в магнитогорскую броню. На всех фронтах громили врага пушки легендарной Мотовилихи из Перми. Воевали «Уралмаш» и предприятия Нижнего Тагила, Ижевские оружейники. За всю войну Уральский регион дал до 40 процентов продукции военной промышленности.

Трудовой подвиг, совершенный в годы войны рабочими и колхозниками, инженерно-технической и творческой интеллигенцией, всем народом, бесспорен, его величие признается властью, исследователями, историками.

Выступая на торжествах по случаю 65-летия Великой Победы, Дмитрий Анатольевич Медведев справедливо подчеркнул что государство остается в неоплатном долгу перед тружениками тыла, женщинами военной поры и поколением детей войны. Следует лишь добавить, что в основном на их плечи легла и вся тяжесть восстановления разрушенного войной народного хозяйства страны.

Учитывая огромную значимость вклада работников тыла в дело Великой Победы над врагом, и, вместе с тем, отмечая, что государством до сих пор не решен вопрос адекватной оценки их заслуг, мы, представители тружеников тыла военной поры, собравшиеся на форуме, считаем, что давно настала пора принять на Федеральном уровне шаги по дополнительным льготам для этой категории ветеранов.

Вносим предложение принять соответствующий закон, придать ветеранам-труженикам тыла военных лет федеральный статус и приблизить их денежное обеспечение и другие льготы социального характера к уровню льгот участников войны.

И вторая, не менее важная в моральном плане, просьба: по аналогии с практикой присвоения звания «Город воинской славы» учредить звание «Город трудовой славы военных, лет» для награждения городов, внесших наибольший вклад в победу над фашизмом.

Считаем, что в ходе подготовки к 70-летию Великой Победы государство должно проявить волю, найти силы и средства, чтобы снять имеющиеся проблемы и решить все вопросы обеспечения спокойной старости ветеранов войны и тружеников тыла военных лет, их моральной поддержки. Они заслужили это своими делами и подвигами во имя Родины.

Г. Башилов

О создании мемориального комплекса ратному труду уральцев

Три года назад, мы, ветераны Уралмашзавода, обратились с письмом к главе администрации Орджоникидзевского района О.Л. Лефтону с предложением о сооружении в нашем районе памятника трудовому подвигу уральцев-тружеников тыла в период Великой Отечественной. К сожалению, положительной реакции на наше предложение не последовало. Сегодня мы вновь возвращаемся к этой теме.

С каждым днем все меньше остается людей – участников тех героических трудовых военных будней, уже уходят из жизни даже дети военных лет – свидетели тех грозных событий. Современное же поколение молодых людей имеет смутное представление о трудовом подвиге своих предков того периода, вернее, вообще не представляют масштабы тех героических событий. Ратный подвиг участников Великой Отечественной войны достойно увековечен многочисленными памятниками и величественными мемориалами, как например, на Мамаевом кургане и на Курской дуге под Прохоровкой. В то же время у нас практически нет памятников труженикам тыла, чей самоотверженный и напряженный труд в условиях немыслимых страданий и лишений явился неоценимым вкладом в победу над фашизмом.

Сегодня сложно даже представить, как в условиях, когда почти вся промышленность европейской части страны оказалась оккупированной немецкой армией, Урал один на один противостоял всей мощной европейской военной машине и не просто выстоял, а произведенной артиллерийской и танковой армадой в Свердловске, Челябинске и Нижнем Тагиле позволил под Сталинградом и Прохоровкой окончательно переломить ход войны!

Сегодня мы вновь обращаемся с призывом, в первую очередь, к широкой общественности, к средствам массовой информации помочь поднять эту тему на уровень создания не просто памятника, а мемориального комплекса, подобного мемориалам, посвященным военной победе.

Такой мемориальный комплекс должен стать не только памятником героическому труду уральцев в тяжелые периоды жизни страны, а быть постоянно действующим, активным воспитательным центром, прежде всего для молодого поколения; быть центром поклонения труду и возвеличивания его. Труду – основе благополучия нации. Демонстрировать всем посетителям, в

том числе и туристам, что такое был, есть и будет заводской Урал для России. Сегодня это особенно важно, поскольку тема творческого труда в средствах массовой информации, особенно на телевидении, практически предана забвению. Зато в изобилии народу предлагаются развлекательные шоу, весьма низкого интеллектуального содержания, фильмы, напичканные сценами насилия и убийства людей.

Следует объяснить несколько подробнее, что мы подразумеваем под названием «Мемориальный комплекс ратному труду уральцев». Понятно, что это не просто здание-музей. Это информационный, интерактивный центр, рассказывающий о трудовых достижениях, о подвиге уральцев в разные периоды жизни нашей страны, безусловно, с особым вниманием на период Великой Отечественной войны.

Основой такого центра, в первую очередь, должны стать архивные материалы, тщательно отобранные и пополняемые из заводских музеев трудовой славы Урала. Я неоднократно бывал в таких заводских музеях Свердловска-Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Магнитогорска, Златоуста и других. Всегда их посещение оставляло у меня чувство большой теплоты к людям и гордости за свой Урал. Этот центр, обладая информацией о заводских музеях Урала, должен предоставлять по желанию посетителей рекламные обзоры по этим музеям, как бы приглашая посетить их. Нет необходимости в этой статье перечислять все возможные источники получения информации. Хочу только обратить внимание на необходимость использования в деятельности комплекса самых современных, действенных и привлекательных для молодежи технических и информационных средств. Сегодня это так достижимо!

Хотел бы также предложить использовать при создании экспозиции матрицу, предложенную талантливым уральским писателем Алексеем Ивановым в книге «Хребет России». Лучшего произведения о заводском Урале я не читал. Мне, заводскому человеку, проработавшему на Уралмашзаводе всю трудовую жизнь, близки и глубоко понятны строки во вступительной части книги: « При каждом рывке вперед толчковая нога России упиралась в Урал. Обрести его было весьма непросто. Русские вживаются в Урал уже полтысячелетия. Но и Урал полтысячелетия перековывает пришельцев под себя. Потому что освоение Урала русскими – промышленное, а промышленность требует так организовать жизнь, чтобы приноровить её к местным условиям, иначе работа не пойдет». Мудро сказано.

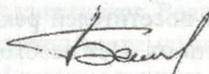
Считаю также важным выбор места расположения мемориального комплекса. Это, конечно, должен быть Екатеринбург. Мое мнение – это не центральная часть города, а Орджоникидзевский район, где расположены основные заводы, ковавшие Победу. Идеальным местом, на мой взгляд, было бы

историческое место – Верхотурский тракт, сегодня это улица Космонавтов, оживленный транспортный узел района по дороге в Нижний Тагил и центр Екатеринбурга. Комплекс можно было бы расположить напротив кинотеатра «Заря» с одной стороны, с другой – напротив станции метро Уралмаш, за транспортным поворотом на Уралмашзавод, заняв там всю свободную сегодня площадь и дополнительно часть северной территории Уралмашзавода.

Сегодня важно услышать одобрение этой идеи нашими людьми-заводчанами и, безусловно, получить поддержку в «верхах». Не исключаю, что будут и скептики. Скажут, что это маниловщина, что это стоит значительных затрат. Да, такой комплекс может потянуть на федеральный уровень. Но ведь сегодня мы, оказывается, можем позволить себе направлять огромные средства, полученные от продажи нефти и газа, на строительство многочисленных крупных торгово-развлекательных центров, церковных храмов. А ветераны предлагают несоизмеримый по затратам с указанными сооружениями, но исключительно важный по идеологической значимости, мемориальный комплекс, посвященный ратному труду уральцев.

Сооружение такого мемориала будет достойным памятником к 70-ой годовщине Великой Победы над фашизмом.

Башилов Г.Н.

Почетный уралмашевец,
заслуженный машиностроитель РСФСР,
Лауреат государственной премии СССР

На фронтах Великой Отечественной войны

Контратака наших солдат на подступах к Сталинграду

**Н. Григорьев,
Герой Советского Союза**

ГЕРОЯМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ...

– Это было в Западной Белоруссии. Мы, разведчики, выполняя задание, должны были определить позицию противника. Впереди – большущее картофельное поле. Местность просматривалась. Одно в подмогу – туман. Стали приближаться, но нас заметили. Поснимали головные уборы и машут, кричат по-русски, подзывают. Но у меня чутье сработало, догадался, что это враги. Вернулись в штаб, доложили. Командир дал приказ к наступлению. Начался бой. Тут прибегает связной и говорит, что мы воюем со своими.

На фронте все делалось быстро. Меня арестовали и вполне могли расстрелять. Но командир полка меня хорошо знал, не поверил, что я мог предоставить неточные разведданные, и послал офицера связи для уточнения обстановки. К тому времени уже многих взяли в плен, и оказалось, что это были власовцы. Меня освободили. Потом за эту операцию наградили орденом Красной Звезды. Так началась моя фронтовая биография.

До призыва в армию я и мои родители жили в деревне Старово Борисоглебского района Ярославской области, работали в колхозе «Заря коммунизма». Отец, Михаил Васильевич, был избран председателем колхоза. Мать, Григорьева Евлампия Андреевна, простая колхозница. В семье было пятеро детей, жили довольно бедно. В свободное от школы время нам приходилось заниматься подсобным хозяйством и подрабатывать на стороне. Школа, в которой я учился (село Звенячево Борисоглебского района), ныне носит мое имя.

9 января 1943 года Борисоглебским райвоенкоматом я семнадцатилетним юношей был призван в ряды Советской Армии. После прохождения курса молодого бойца был определен в снайперскую школу в г. Муром. После окончания

школы, в августе 1943 года, был направлен на Центральный фронт в 354-ю стрелковую дивизию 65-й армии.

За время войны на западе участвовал в освобождении территорий Украины, Белоруссии и братской Польши, а на Восточном фронте освобождал территорию Монголии, Маньчжурии и Китая.

В августе 1943 года, 7 сентября, при освобождении г. Конотопа, был ранен. После выздоровления снова возвратился в свою часть, где был зачислен в роту разведки.

Будучи разведчиком, выполнял различные боевые задания командования части на переднем крае и в тылу противника. Особо вспоминаются жаркие дни летнего сражения в Белоруссии в операции «Багратион».

К началу операции линия обороны для наших войск проходила в крайне тяжелых условиях – впереди водные преграды, сплошные болота и лесные массивы. Противник на нашем направлении сосредоточил 63 дивизии, или более 1 миллиона 200 тыс. человек. Все особенности белорусского климата противник стремился использовать для глубоко эшелонированной обороны полевого типа.

Таким образом, враг удерживал выгодную линию обороны и прикрывал ближайшие подступы к Восточной Пруссии и самый короткий путь через Польшу на Берлин. Однако в его обороне оказались и слабые места, что своевременно было замечено нашими разведчиками. Немецкое командование не предполагало, что наши части смогут нанести главный удар через болотные топи, и поэтому сплошной линии немцы в этих местах не строили. В то же время противник главные свои силы сосредоточил в другом направлении, в районе Парычей. Это направление для нашего наступления было наиболее вероятным – там не было болот и водных преград, местность преимущественно сухая. Наша разведка своевременно обнаружила и доложила командованию, что в этом районе имелись господствующие высоты, была большая плотность огневых средств – это означало, что при наступлении у нас могли быть большие потери.

Перед командованием остро встала задача, как найти выход. Вспоминаю, как задолго до операции разведчики всех родов войск день и ночь изучали и обследовали возможности преодоления при наступлении гиблых болот. В этом нам хорошо помогали местные жители и белорусские партизаны. Однажды при разговоре с местными жителями мы узнали, что болотные топи можно преодолеть, если сделать для каждого солдата мокроступы (типа лыж из лозы), а для техники – гати (настилы из лозы и дерева).

Когда эти варианты были саперами проверены, у командования родилась мысль, что главный удар по противнику необходимо нанести именно в заболоченных местах, где он не ожидает удара.

24 июня 1944 г. раскат мощных залпов орудий возвестил о начале битвы за освобождение Белоруссии, а 27 июня наша 65-я армия обошла с тыла г. Бобруйск, подошла к Осиповичам – важному железнодорожному узлу. Это был центр снабжения всей 9-й немецкой армии. В окруженном Бобруйске сосредоточилось до 40 тыс. немцев, которые стремились выйти из окружения и уйти на запад.

Днем и ночью продолжались кровопролитные бои по уничтожению окруженной группировки, но из-за высокой плотности переднего края противника, большого количества огневых средств нашим войскам не удалось с ходу уничтожить окруженную группировку.

С нашей стороны было сделано немало гуманных обращений к солдатам немецкой армии. Например, о добровольной сдаче в плен, с гарантией сохранения славшимся жизни. Назначалось время и место перехода на нашу сторону. Но все было безуспешно.

После чего нашей разведоте было приказано перейти передний край противника, углубиться в тыл, нарушить связь штабов с частями и создать панику в окруженных немецких частях. Задача была нами выполнена, окруженная группировка под Бобруйском была позднее полностью уничтожена...

Форсировав реки Березину и Западный Буг, наша 65-я армия вышла на государственную границу с Польшей, впереди были Варшава и Берлин – открывался самый короткий путь до логова фашизма. Это прекрасно понимал каждый офицер и солдат нашей части.

27 августа 1944 г. наша дивизия вплотную подошла к реке Нарев в районе Полтуска. Нашей разведкой было установлено, что на западном берегу реки Нарев подготовлены мощные инженерные сооружения, оборона противника состояла из двух глубоко эшелонированных полос, сотни бетонированных колодцев для пулеметов, фаустников и минометных расчетов, а у самого уреза воды – проволочные заграждения и минные поля.

Разведке нашей части надлежало уточнить и проверить имеющиеся данные о противнике.

На задание пошло 15 человек во главе со мной. С помощью местных жителей мы установили возможные места бродов на реке для переправы техники и форсирования ее. Затем в ночное время с саперами и группой поддержки на подручных средствах форсировали эту водную преграду. Преодолев инженерные сооружения, группа разведки неожиданно ворвалась в траншеи первой линии обороны противника.

Завязался первый бой, немцы не выдержали и в панике отступили. Наступило утро. Немецкое командование не могло смириться с дерзкой вылаз-

кой нашей разведки и тем более – занятием в их секторе обороны маленького плацдарма. Весь следующий день немцы штурмовали занятую нами позицию. Силы наши почти иссякали, но занятый рубеж мы отстояли – таков был приказ командования. К вечеру противник атаки прекратил, а в наших боевых порядках осталось в живых всего три человека – я, Саренко и Цап.

Ночь. На нашем направлении началось форсирование мотострелками водной преграды и расширение занятого плацдарма. Плацдарм на правом берегу реки Нарев, захваченный и удерживаемый нами, играл важную стратегическую роль в развитии боевых событий наших войск. Это был прямой и ближайший путь через Восточную Пруссию непосредственно на Берлин. За взятие и удержание разведчиками стратегического плацдарма, уничтожение более трехсот солдат и офицеров мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

15 октября 1944 года я получил второе ранение и до конца войны на западе находился в госпитале в г. Люблин, а затем на станции Сура.

Проходя с боевыми действиями по Белорусской земле, я до глубины души возмущался варварством немецких солдат и офицеров, которые безжалостно уничтожали белорусский народ. Это было видно по сожженным населенным пунктам, разрушенным городам, убитым и замученным женщинам, старикам и детям.

Все лесные массивы в Белоруссии были приспособлены под концлагеря для мирных жителей. Мне довелось освобождать один такой лагерь под городом Озарыч.

В лагере было заключено более 40 тыс. мирных жителей. Стояла зима. Люди были полураздеты, ютились в шалашах, построенных из веток деревьев. Во всем лагере было несколько родничков, где заключенные брали воду. Немцы постоянно минировали подходы к ним. Заключенных кормили только хлебом, негодным к употреблению. Охранялся лагерь власовцами с овчарками. По колючей проволоке, окружающей лагерь, был пропущен электрический ток. Заключенным, находящимся в лагере, немцы сделали прививки брюшного тифа с целью заражения советских войск.

В июне 1945 года после выздоровления я был направлен на восток в составе 17-го гвардейского батальона 6-й стрелковой бригады, 1-го Забайкальского фронта в качестве минометчика.

В полосе нашего наступления лежала безжизненная пустыня Внутренней Монголии и Большого Хингана. Нам пришлось совершить марш-бросок, почти 1000 км пути с боями, по бездорожью, по пескам, под палящим солнцем, напрочь лишенных хлеба и соли, неся на себе оружие и боеприпасы...

Вспоминаю, когда нам оставалось 200 км до Порт-Артура, командир бригады, Герой Советского Союза генерал-майор Балдынов, выстроил нас и сказал, что мы преодолевали по 50-60 км в сутки, сейчас остальной путь необходимо пройти значительно быстрее, чтобы не дать противнику уйти в море. Кто слабо чувствует себя, выйдите из строя, вас возьмут санитарные части.

Слабаков не оказалось! Все остались в строю, хотя мы все были действительно слабые, истощенные и измученные тяжелыми условиями длительного перехода и боевыми действиями. Такой патриотизм был обыденным для советского солдата.

После завершения военных действий на востоке до 1949 года я служил в Западно-Сибирском военном округе в Тюмени.

В 1949 году был направлен в Ташкентское военное училище. В 1950 году его окончил. После окончания училища мне было присвоено воинское звание лейтенант. По решению Главного политического Управления Советской Армии был направлен служить в Группу советских войск в Германии в качестве заместителя командира роты разведки по политчасти 19-го механизированного полка 8-й гвардейской механизированной дивизии. В сентябре 1950 года был переведен и избран секретарем комсомольского бюро 115-го отдельного гвардейского минометного полка (М-13 «Катюши») 10-й механизированной армии. В этой должности проработал до 1956 года. В 1956 году по замене из Германии переведен в Одесский военный округ заместителем командира радиолокационной роты 24-го отдельного радиотехнического полка войск противовоздушной обороны.

В 1958 году сдал экстерном экзамены за полный курс Одесского высшего общевоинского училища.

Работа в радиолокационных частях была связана с частой сменой места дислокации подразделения, что влияло на нашу семейную жизнь. В 1961 году я уволился из армии по сокращению штатов. Переехал с семьей в г. Джезказган Казахской ССР. Работал сначала инспектором ОК железнодорожного цеха, а затем был переведен на должность старшего инженера штаба гражданской обороны горнометаллургического комбината. В этой должности проработал свыше 31 года. С 1985 года – персональный пенсионер.

По личным соображениям в 1996 году сменил местожительство, переехал из Казахстана на свою Родину – Россию, в Свердловскую область, в г. Заречный.

Сейчас у меня большая семья. С Антониной Павловной вместе прожили почти полвека. У сына и дочери – высшее образование. Нас радуют также пятеро внуков.

Мое воинское звание – полковник в отставке. На фронте был дважды ранен и один раз контужен.

24 марта 1945 года мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Имею восемь боевых орденов и множество медалей. Являюсь участником парада 60-летия Победы в Великой Отечественной войне на Красной площади в Москве.

В настоящее время веду посильную общественно-воспитательную работу в школах, учебных заведениях среди молодежи. Это считаю своей важной обязанностью.

Дорогие земляки! Дописывая последние строки своего воспоминания о пройденном боевом пути в годы военных действий, я думаю: если мои подвиги помогут новому поколению действительно осознать героизм солдата, почувствовать накал событий тех дней, то буду счастлив до конца своей жизни.

М. Литвиненко

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Под таким названием в 2010 году вышло в свет автобиографическое повествование знаменитого уральца, Героя Советского Союза Леонида Степановича Падукова. В канун юбилея – девяностолетия этого легендарного человека мы встретились с ним у него дома и говорили о многом: о боевом прошлом, о фронтовых друзьях, о предвоенной юности, о современной молодежи... И Леонид Степанович словно вновь проживал и переживал незабываемые моменты своей жизни. Жизни человека, который шел в ногу с поколением. Не отступая, не предавая, не изменяя принципам... Судьба не была легкой, но, оглядываясь на про-

житое, ветеран на нее не в обиде. Он прожил достойно свои девяносто лет и не потерял интереса к жизни.

«УЧЕБУ БРОСИТЬ НЕ ДАМ!»

На девяносто лет Падуков не тянет, хоть и говорит, что здоровье уже не то, – держится ветеран по-геройски. А уж как китель со всеми наградами примерил, а у него только боевых орденов – семь и двадцать медалей, и вовсе помолодел. Войну он прошел, как говорится, от звонка до звонка. В двадцать четыре года стал командиром танкового батальона, Героем Советского Союза. От командира танка до командира танкового полка – таков воинский путь полковника в отставке Л. Падукова.

Мне интересны истоки: почему одни люди строят жизнь вопреки обстоятельствам, другие плывут по течению не сопротивляясь – все равно, к какому берегу прибьет.

У Лёни Падукова с самого рождения так складывались обстоятельства, что вполне мог парнишка затеряться в этом мире. Еще до его появления на свет умер от тифа в Гражданскую войну отец – красноармеец Степан Иванович, так и не узнав, что 2 февраля 1920 года супруга его, Екатерина Гри-

горьевна, разрешилась мальчиком. Произошло это в деревне Верхняя Седа Пермской губернии. Дед Лёни по отцовской линии был знатным в округе кузнецом и без работы не сидел. Но к тому времени ему уже за 70 перевалило, так что он, чтобы сноху с ребенком без куска хлеба в будущем не оставить, сам решил подыскать ей подходящего мужа. И нашел. Так в семье появился Андрей Егорович Елохин, который сыграл немалую роль в воспитании и становлении приемного сына. Хоть позже появились в семье еще двое детей – Коля и Клава, отчим не выделял никого: и любил всех, и спрашивал со всех одинаково.

Родного отца Леня не знал и никак не ощущал потерю, а вот когда умерли сначала мать, а потом и дед – девятилетний мальчишка страдал сильно. Но, видно, провидению было угодно, испытывая Леонида, посылать ему добрых людей в подмогу.

Мать его, по рассказам отчима, словно предчувствуя неладное, незадолго перед смертью сказала мужу: «Если что случится, ты Анну в дом приведи, она детей поможет поднять». Не ошиблась мать, односельчанка Анна Максимовна стала детям не мачехой, а настоящей матерью.

В начале прошлого века в простых семьях не было нужды родителям детей специально к труду приучать – сам уклад побуждал к работе. Леня еще парнишкой в дедовой кузне к кузнечному ремеслу приунылся. Дед даже облегченную кувалду для внука смастерил. После начальной школы пацан, при полном одобрении приемных родителей, с великим желанием поступил в профессионально-техническую школу.

«Ростом я был невелик, так что, когда на тисах работали, приходилось мне ящик ставить под ноги, – вспоминает ветеран. – Потом школу перевели в поселок Суксун и преобразовали в политехнический техникум. Стипендии хватало только на полмесяца. Многие, и я в том числе, подрабатывали: писали лозунги, работали в мастерских техникума, выполняя различные заказы, мыли котлы в солдатской столовой – никакой работой не гнушались, даже туалеты чистили.

В солдатской столовой нас хорошо подкармливали. Скажу так, если человек хочет жить нормально, то не станет уповать на какие-то обстоятельства, а будет действовать.

Думаете, в те полуголодные времена мы жили неинтересно, скучно? Это не так. И кружки у нас различные были, и художественная самодеятельность, и танцы. И влюблялись мы, и дружили. Вот только распушенности не было. К девчатам у парней – трепетное отношение, никаких вольностей».

Понимая, что семье трудно, Леонид несколько раз к отцу подступался: «Папа, я работать пойду, вам помогать стану!». Но глава семьи был стоек:

«Нет, Леня, учебу тебе бросить не дам! Думай о будущем — знания не будут лишними». И не позволил парню оставить техникум. Частенько до околицы деревни провожал, а там уж подросток самостоятельно шел почти тридцать километров. И сегодня, прожив долгую жизнь, Падуков с великой благодарностью вспоминает напутствие отчима.

«Вспоминая свою юность, своих товарищей, я просто диву даюсь, когда слышу, что сегодня большинство юношей призывного возраста совсем не готовы к службе в армии,— говорит Падуков. — И не только их это вина, скорее — общества.

Еще учась в техникуме, я сдал все нормы ГТО («Готов к труду и обороне»), получил несколько значков, в том числе и «Ворошиловский стрелок». Быть сильным, ловким, спортивно развитым, не пить и не курить — это считалось нормой для молодых. И как же спортивная закалка нам пригодилась на войне, как благодарны мы были нашим учителям, которые развивали в юных стремление к самосовершенствованию».

ПЕРВЫЙ СТАКАН — ДО ДНА

После окончания техникума по распределению Падуков и два его друга, Иван Лопатин и Николай Хохряков, отправились на работу в село Наумовка, что под Томском, в новую среднюю школу.

А поскольку директора в школе не было, то заведующий районо, выслушав характеристику, данную друзьями новоиспеченному педагогу Падукову, с ходу назначил молодого учителя директором.

Обескураженный Леонид Степанович потом при встрече все же высказал свое мнение чиновнику: «Как же так — без меня меня женили. Вы же даже не знаете, что я за человек, могу ли соответствовать этой должности?!».

«Конечно, поторопился,— признался заведующий. — Но вижу, что товарищи не обманули — вы человек ответственный, прямой, техникум с отличием окончили. Да и некого мне пока назначить!».

Но, несмотря на свое несогласие директорствовать, Падуков за дело взялся рьяно — новый учебный год был на носу. Педсовет собрал, закрепил классных руководителей, составил списки учеников, проверил у педагогов конспекты занятий... Так что учебный процесс пошел своим чередом.

Вновь назначенному директору на тот момент не исполнилось еще и семнадцати лет. Он даже в проходивших в 1937 году выборах в Верховный Совет не смог принять участие: подчиненные голосовали, а директор, по малолетству, не имел права.

Выборы в те годы были событием знаменательным и отмечались по-семейному. На такой праздник и пригласил школьный завхоз нового директора

к своим родителям. Ехали на санях по морозцу километров десять-двенадцать.

«Когда все собрались, а было человек пятнадцать, — вспоминает ветеран, — хозяин пригласил к столу. Стол был массивен, сделан из крепкого дерева, длиною около четырех метров. Скамейки тоже были крепкими. Под стать хозяевам и гостям. Сибиряки жили хорошо. Чего только не было на этом столе, даже жаркое из поросенка. Здесь умели готовить вкусно, да и было из чего — в достатке жили. Я и после не раз убеждался, что сибиряки трудолюбивый народ, люди крепкой закалки.

На столе, я заметил, стояла четверть водки (три литра) и один стакан. Все уселись, и я оказался слева от хозяина. Он берет стакан, наливает до верха и подает мне. Я в то время практически и водки-то в рот не брал, а уж тем более выпить целый стакан... Отпил немного и стал закусывать. Отец завхоза долил водки, я снова глотнул немного и опять на еду налег. Тут завхоз тычет меня в бок и шепчет: «До дна пей, у нас принято первую — до дна!».

Тут я огляделся — бородачи накупились и поглядывали на меня с осуждением — начало праздника затягивается, стакан по кругу не идет. Пришлось мне выпить до дна, и стакан пошел по кругу без задержки — веселье нарастало. Но я его уже не увидел — захмелел».

До войны довелось поработать Падукову еще и в Краснодарском крае, а в 1939 году он поступил в Пермский педагогический институт. Но поучиться не довелось, уже в октябре его призвали в ряды Красной Армии. В ожидании повестки Леонид жил у родителей. В это время как раз призвали на службу его двоюродных братьев. Проводы в армию устраивались по традиции с выпивкой. И случалось, чего скрывать, упивались и провожающие, и призывники до потери сознания.

«Не обошлось без этого и у нас, — улыбается Падуков. — Ходили от дома к дому, пили и водку, и пиво, и брагу... Я сначала от выпитого сверх меры отключился, а потом мне вздумалось домой идти. Не помню, как вскарабкался на гору и заснул там. Проснулся от холода — руки и ноги не действовали. Еле оттер и бегом припустил к дому.

Отчим сразу понял все, приказал лечь на печь и выпить горячей водки с сахаром. Укрыл меня тулупом, после чего я изрядно пропотел. И так несколько раз. А я лишь одного боялся: придет повестка, а я болен.

Но все обошлось. Служить я попал в Свердловск. Первая моя должность называлась — красноармеец-писарь. Но уже в декабре я поступил в Свердловское пехотное училище».

ЕЛКА ОТ ТЕТИ ПАШИ

На фронт Падуков попал в апреле 1942-го и провоевал до конца войны в составе 202-й гвардейской танковой бригады, сражавшейся на шести фронтах: Брянском, Центральном, Южном, 4-м Украинском, 1-м и 2-м Прибалтийских. Получил четыре ранения и контузию.

«С войной связаны не только горькие воспоминания, – говорит Леонид Степанович. – Там было все: смерть, малодушие, героизм, самоотверженность и, конечно, любовь.

С годами не уходят из памяти мгновения того времени. Я был ранен в районе станции Сутолки Орловской области. Как санитар перевязал меня на поле боя, плохо помню. А вот как потом медсестра в госпитале снимала присохшие бинты – как сейчас чувствую: адская боль! Кроме того, я потерял много крови, и эта же сестра, Лена Колодозева, дала мне свою кровь. Когда я спросил, почему она решилась на это, девушка ответила искренне: «Мой брат тоже воюет, а друг и ему понадобится кровь?». Мы с Леной подружились и, если бы не война, может, и соединили бы свои судьбы.

Еще лежа на госпитальной койке, я нащупал в своей груди в одной из ран осколок и пытался его удалить. Но не смог. Пошел на хитрость: попросил у палатной сестры пинцет, якобы часы починить, и вытащил осколок. Но она потом догадалась – пришлось признаться! Конечно, сестра отчитала меня по всем правилам!

А еще помнится, как мы встречали новый, 1943 год. Я уже вернулся на фронт и принял под командование взвод.

Хозяйка дома, где мы ночевали, тетя Паша, предложила организовать для нас праздник с угощением и фронтowymi сто граммами – деревенской самогонкой. Сказала, что если руководство разрешит, то и девушек можно пригласить.

Я провел с тетей Пашей беседу: чтобы не больше ста граммов, а то мало ли что! Она дала клятвенное обещание, что норма будет соблюдена.

Праздник местные жители для нас организовали по-домашнему: девчата сделали украшения и нарядили, за неимением ели, сосенку, местные жители напекли пирогов с картошкой и капустой, наделали закусок. Готовили все тайно от командования, но в разгар праздника все-таки появились команди роты и замполит и спрашивают: «Это кто же такое придумал?». Я ответил: «Тетя Паша, хозяйка дома». Командиры, придирчиво оглядев всех собравшихся, поблагодарили нашу хозяйку и ушли, предупредив, впрочем, чтобы бдительности не теряли.

А мы повеселились от души, потанцевали под гармонь, вспомнили дом родной... Бойцам на фронте как воздух нужны были такие вот передышки. И

как много сделали для воинов заботливые и умелые руки врачей и медсестер, сколько семей, как родных, встречали солдат и офицеров, делясь последним куском хлеба...».

В БАТАЛЬОНЕ ТРИ ГЕРОЯ

Когда я попросила Леонида Степановича рассказать о сражении, за участие в котором он получил звание Героя Советского Союза, он заметил, что звание Героя присвоили не ему одному.

«Там все геройски сражались, поверьте мне, — ответил Падуков. — Было это в Латвии в августе 1944 года. 23 августа я произвел перегруппировку своих сил. Переданные батальону два танка ИС-2 я поставил на самом угрожаемом направлении ночью. Сменил позиции танков Т-34.

...Противник утром 23-го еще раз попытался «проверить» нашу оборону. Бросив в бой своих «тигров», их поддерживали «фердинанды», попытался вести наступление. И главное, что он стал делать напор на боевые позиции, где ранее стояли в обороне тридцатьчетверки, но, увы, просчитался.

Я смело выдвинулся вперед. Тяжелые танки ИС-2 сделали свое дело. Противник потерял в течение короткого боя пять «тигров», мощные орудия наших «изсов» пробивали их лобовую броню. Я перехитрил фашистских танкистов. Мой тактический маневр удался.

Противник переносит удары и пытается атаковать части 51-й и 6-й гвардейских армий. Но эти атаки стойко отражаются. Танкисты 202-й выполнили приказ командира: «Ни шагу назад». Они не только удержали занимаемый рубеж обороны, но и нанесли тяжелое поражение 5-й танковой дивизии и танковому полку СС «Великая Германия», обескровили их, лишили боеспособности. Наши танкисты отомстили за смерть своих боевых товарищей.

За героизм, проявленный в бою, все танковые экипажи были награждены орденами и медалями Советского Союза, а капитану Владимиру Кирмановичу, старшим лейтенантам Александру Пильникову, Анатолию Мельникову, старшине Константину Жукову и мне было присвоено звание Героя Советского Союза. В моем батальоне — сразу три Героя: Мельников, Жуков и я! Такой танковый батальон за всю войну был только один. Я этим горжусь. Вот так воевали танкисты в годы тяжелых испытаний для Родины. В своем кратком дневнике об этом я записал: «Таких боев еще не было за всю войну».

Вскоре Падуков был ранен и известие о награждении прочитал в «Красной Звезде», уже будучи в госпитале. В палате, узнав об этом, начали поздравлять его, кричать «Ура!». А медики предлагали отдельную палату и усиленное питание. Но фронтовик отказался, считая, что это ни к чему.

После войны Л. Падуков окончил Бронетанковую академию и служил в должностях командира полка, первого заместителя и командира зенитно-ракетного соединения, которое в 1960 году сбило в небе над Уралом американский самолет-разведчик.

Уволившись из рядов Советской Армии, полковник Падуков на покой не ушел — 24 года проработал на 79-м заводе в Екатеринбурге. Никогда не оставался в стороне от дел общественных: был председателем заводского совета ветеранов, участвовал в деятельности областного и городского советов, отстаивал права участников войны и тружеников тыла. Выступая в школах, техникумах, институтах, он рассказывал о своих фронтовых товарищах, о тех ценностях, которые были главными для людей его поколения, о том, что всю свою жизнь они верили в добро, справедливость, были и остаются преданными своей стране. Ветеран издал три книги воспоминаний и четыре сборника стихов.

«Сегодня государство делает многое для участников Великой Отечественной войны. Нас уже мало осталось. Но у нас есть дети, внуки, правнуки. У меня вот четверо детей, пять внуков, четыре правнука.

Я защищал и их, еще не рожденных. Для них мы отстаивали Отечество от посягательств врага. Мне было стыдно и перед ними, когда настало безвременье, в которое стали забывать о великом народном подвиге. Сейчас появляется надежда, что жить наши наследники будут в государстве, которое чтит свой народ, заботится о нем. Не только о героях — о каждом человеке. За это мы и сражались».

И. Каюмов

СКВОЗЬ ОГНИ И ВОДЫ

Говорят, что о человеке судят не по количеству прожитых лет, а по тому, что он успел сделать за свою жизнь полезного для Родины.

Ивану Романовичу Подобеду, которому в 2012 г. исполнилось бы 90 лет, можно гордиться своим вкладом в дело защиты Родины, повышения боеспособности и боеготовности ее Вооруженных Сил. Вся его жизнь посвящена служению Отчизне, стремлению сделать добро людям.

Иван Подобед родился и вырос в многолетней крестьянской семье в деревне Ветухна, что в Могилевской области в Белоруссии. Родители с раннего детства приобщали детей к посильному труду, старались дать им образование. Отец, Роман Егорович, сумевший окончить лишь церковно-приходскую школу, не раз наставлял сына: «Ваня, запомни: знания дают человеку силу. Если хочешь жить лучше нас, добиться всего в жизни – учись». И Иван, следуя совету отца, усердно учился не только в школе, но и всю жизнь. Когда началась война, учился воевать. Став профессиональным военным, учился командовать, учил и воспитывал других, учился сам у сослуживцев и старших.

Первую солдатскую академию он прошел на поле боя. Великая Отечественная война застала Подобеда на западной границе под Псковом, где он после окончания полковой школы второй год проходил службу в должности командира отделения разведки в штабной батарее артполка. Полк, в котором он воевал, как и другие части 241-й стрелковой дивизии, под натиском превосходящих сил немецко-фашистских войск был вынужден отступать на восток. В непрерывающихся днем и ночью боях полк нес большие потери в людях и технике. В этих боях командир отделения, а со временем – заместитель командира взвода разведки Иван Подобед при выполнении боевых задач про-

явил мужество и отвагу. Он умело и находчиво вел разведку огневых точек противника. Ему часто приходилось находиться в боевых порядках стрелковых подразделений и неоднократно принимать участие в отражении контратак врага. Наблюдая за нередко беспорядочным отступлением, сильно переживал за неудачи наших войск. Но младший командир никогда не опускал рук, не терял самообладания. Он и сегодня с нескрываемой болью и горечью вспоминает, как, с какими потерями полки дивизии форсировали Дон. К их приходу саперы взорвали мост, чтобы им не могли воспользоваться наступающие гитлеровцы. Не имея возможности переправить свои орудия, артиллеристы взорвали их.

В ходе оборонительных боев под Сталинградом артполк, в составе которого воевал Подобед, уничтожил немало немецких танков и пехотинцев, нанес большой урон врагу и сыграл свою роль в подготовке условий для начала контрнаступления советских войск и окружения группировки немецко-фашистских войск в районе Сталинграда. Бои были очень кровопролитными. Враг дрался остервенело, стараясь переломить ход сражения в свою пользу. Не давала покоя вражеская авиация. В одном из боев под хутором Вертящий Иван был сильно контужен и отправлен в госпиталь.

После долгого лечения его направили в Киевское училище самоходной артиллерии и назначили командиром взвода курсантов. Его боевой опыт и проявившиеся командирские способности оказались очень кстати для подготовки будущих офицеров-артиллеристов.

С некоторого времени офицера Подобеда перестал удовлетворять круг его служебных обязанностей. Ему хотелось выйти на более широкий простор, а для этого надо было получить высшее военное образование. Вот почему он решил поступить в Академию бронетанковых войск и не без труда добился своего.

Академическое образование открывает офицеру широкую дорогу, но только в том случае, если человек не довольствуется полученными знаниями, не останавливается на достигнутом, а постоянно учится, растет как командир, как воспитатель подчиненных. Этих качеств Ивану Романовичу не занимать. Он рос из года в год в своем развитии, рос в должности и звании: командир разведбатальона, командир полка, заместитель командира и командир дивизии, замкомандующего армией и, наконец, заместитель командующего войсками Уральского военного округа по боевой подготовке.

Иван Романович не чурался черновой работы, старался сам докопаться до истины, учил подчиненных по принципу «делай, как я». Это сегодня подводное вождение танков преподносится как нечто новое. В войсках же танкистов давно обучали этому. Так, генералу Подобеду во время службы в Груп-

пе советских войск в Германии приходилось готовить целый танковый батальон, который благополучно форсировал Эльбу под водой. А до этого он, еще будучи командиром танкового полка, лично преодолел в танке под водой Западную Двину. Вот почему, когда в Уральском военном округе приступили к обучению танкистов подводному вождению, заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант Подобед оказался страстным поборником внедрения этого небезопасного, но необходимого способа преодоления водных преград танкистами. Подобеду везло служить под началом крупных военачальников. Он учился у них, старался, как губка, вбирать в себя все лучшее и подражать им. Например, много полезного дала ему служба под командованием генерала (впоследствии – маршала Советского Союза) С.Ф. Ахромеева, который был мастером организации тактических учений, сторонником высокой штабной культуры. Ивану Романовичу – командиру дивизии в ГСВГ – в августе 1968 года пришлось выполнять очень ответственные правительственные задачи под руководством генерала армии Ивановского. За мужество и отвагу, проявленные при этом, Иван Романович был награжден орденом Красного Знамени.

Кроме этой награды он удостоен еще одного ордена Красного знамени, ордена Отечественной войны I степени, двух орденов Красной Звезды, ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, ордена «Поллярная звезда» (Монголия), 25 медалей.

Многими организаторскими способностями он обязан генерал-полковнику Н.К. Сильченко, под руководством которого прослужил в Уральском военном округе свыше восьми лет. В одной из аттестаций командующий войсками округа отмечает: «И.Р. Подобед – всесторонне подготовленный генерал. Постоянно оказывает помощь командирам соединений, частей, облвоенкоматам, а также военным кафедрам в организации учебного процесса. Умеет наладить хороший контакт с местными партийными и советскими органами, руководителями вузов по вопросам своей работы». Вот это умение поддерживать добрые деловые связи с руководителями местных органов власти, находить общий язык с людьми очень и очень пригодилось Ивану Романовичу после увольнения из армии в отставку, когда он с головой окунулся в ветеранскую работу. Очень нужным оказалось в работе с ветеранами умение внимательно выслушать человека, понять его нужды и запросы, помочь. Когда Ивана Романовича избрали председателем областного Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, некоторые скептики высказали опасения: раз совет возглавил генерал, не установит ли он казарменные порядки? Эти сомнения оказались беспочвенными.

Подобед никогда не действовал опрометчиво. Перед принятием любых

важных решений советовался со своими заместителями, ветеранским активом. Он никогда не повышал голоса, но был неумолим и тверд, когда приходило время проводить в жизнь принятое решение. С его приходом в руководство областным советом появилась плановость и организованность в работе. На заседаниях президиумов и пленумах рассматривались и решались насущные вопросы ветеранского движения.

Много внимания уделялось городским и районным организациям ветеранов. Нередко организовывались выезды на места для изучения их работы, обобщения и распространения опыта. Укрепились связи областного совета с руководителями исполнительных и законодательных органов власти, общественными и государственными организациями.

Вот почему деловой авторитет Ивана Романовича как руководителя областной ветеранской организации постоянно повышался. И не удивительно поэтому, что в первую очередь с инициативой ходатайствовать о присвоении ему звания Почетного гражданина Свердловской области выступили советы ветеранов Нижнего Тагила, Ревды и других крупных городских ветеранских организаций области. Заслуги И.Р. Подобеда были высоко оценены руководством области, и ему Указом губернатора было присвоено звание Почетного гражданина Свердловской области.

Травма, полученная в результате несчастного случая, как говорится, выбила его из седла, и Иван Романович был вынужден просить освободить его от обязанностей председателя областного совета ветеранов. Делегаты областной конференции с пониманием отнеслись к его заявлению, но в то же время единогласно избрали И.Р. Подобеда почетным председателем совета областной организации. До последнего дня он старался быть в курсе дел и забот ветеранов, своими советами помогать в работе ставшей для него родной и близкой ветеранской организации области.

Готовясь к написанию материала об И.Р. Подобеде, я встречался и разговаривал с его сослуживцами и подчиненными – генералами и офицерами, а также с активистами ветеранского движения. Все они вспоминали об Иване Романовиче очень тепло, в один голос отзывались о нем как о человеке, без громких слов умеющем организовать работу военного или гражданского коллектива, неравнодушного к судьбам людей.

Е. Мильков

ПИСЬМО С ФРОНТА

Шел последний год войны. Но матери солдат, которые сражались с врагом уже за пределами своей Родины, не могли знать об этом. Да разве только матери! Ведь враг был еще силен, сопротивлялся отчаянно, предчувствуя свою скорую гибель.

В одной из небольших деревень Горьковской области письмо от сына ждала Мария Феоктистовна Канарская. Она трудилась в то время в избе-читальне, помогала сдавать молоко на приемном пункте колхоза, выполняла любую работу, предложенную бригадиром.

Да и Николай, ее старший сын, до призыва в армию успел вместе с другими сверстниками поработать в полную силу своих юношеских лет. Отец, Яков Федорович, уже был на фронте, а Николаю еще не исполнилось и семнадцати, когда он впервые обратился в военкомат с просьбой и его призвать в армию. Но получил отказ – вначале подрасти. Да и в тылу трактористы нужны. Хлеб ведь тоже являлся оружием победы. А именно Николай трудился в тракторной бригаде Фоминской МТС, которую с ранней весны и до поздней осени направляли на поля пахать, сеять и молотить зерно. Трактора часто ломались, запчастей не было, ремонт проводили непосредственно в полевых условиях. Недоставало керосина, трактора оборудовали газогенераторами, в которых вместо горючего сжигали древесную чурку. Было нелегко, но ребята знали, что на фронте еще тяжелее. И все-таки многие из них торопили время, чтобы побыстрее оказаться вместе с отцами и старшими братьями, помочь им уничтожить фашистских захватчиков.

И это время пришло. Осенью 1943 года Николай Канарский вместе с другом Иваном Балашовым были призваны в Красную Армию. Ему исполнилось тогда семнадцать лет. Некоторое время Николай находился в одном из Гороховецких военных лагерей. Здесь формировали пополнение для действующей армии. Поскольку у нового призванного было восьмиклассное образование, то направили его в учебный батальон, где готовили младших командиров.

Будущие сержанты размещались в землянках, оборудованных двухъярусными нарами. Для обогрева были установлены печи из железных бочек. Матрацы заменяли маты, которые сами делали из тонких кустарниковых веток. Занятия проводили офицеры, побывавшие на фронте. Они рассказывали о

противнике, убеждали, что научиться нужно многому, чтобы выполнить любую боевую задачу, умело действовать в сложной обстановке.

Экзамены в учебном подразделении рядовой Николай Канарский сдал успешно. И в июне 1944 года он уже в звании сержанта командовал отделением в одном из мотострелковых полков 3-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в состав 22-й армии, сформированной на Урале. Именно в это время Николай познакомился с уральскими сверстниками, еще не ведая о том, что позднее далекий Урал станет для него, можно сказать, второй малой родиной. Но произойдет это еще не скоро.

А в то время, о котором идет речь, молодые, необстрелянные, как говорится, бойцы, конечно, не знали, что им предстоит участвовать в одной из самых крупных операций Великой Отечественной войны под историческим наименованием «Багратион». Это позднее, когда наши войска, разгромив врага, полностью освободили Республику Белоруссию, они с гордостью писали домой о том, что тоже были в числе победителей.

Вот как запомнил один из боев этого сражения Николай Яковлевич Канарский.

«Перед началом наступления, – рассказывает он, – мы скрытно вышли и заняли исходные позиции. Саперы вдоль наших окопов установили вехи и пояснили, что это обозначены проходы для танков. На рассвете, находясь на исходной позиции, мы услышали страшный шум и грохот. Над нашими головами со свистом пролетали огненные стрелы. Мы быстро спрятались в окопы. Это было первое мое знакомство с массированным огнем «катюш». Когда огонь гвардейских минометов прекратился, мы услышали гул моторов. Наши танки выходили из укрытий, расположенных за нами в лесу. Как только они поравнялись с нашими окопами, мы поднялись и цепью пошли в атаку. При поддержке артиллерии и танков нам удалось преодолеть первую, а затем и вторую линию обороны. Преследуя противника, мы прочесывали местность, где укрывались небольшие группы отступающих фашистов. По подозрительным местам вели огонь из автоматов.

Вдруг справа из болота услышали крики и просьбу не стрелять. Когда мы подошли, то увидели двух женщин с детьми и пожилого мужчину. Женщины бросились к нам навстречу, стали обнимать, приговаривая: «Мы вас жда-

ли, вы – наши спасители». Одна из них убежала и вскоре принесла в ведре молоко, стала угощать. Мы достали крышки от котелков и, пока пили молоко, узнали, что немцы перед отступлением угоняли жителей деревень в Германию. Им же удалось увести двух коров и с ними укрыться в болоте. Это было на территории Витебской области в районе населенных пунктов Россоны, Клястицы. Нам было в то время по восемнадцать лет. И все мы тогда гордились, что нас в родных для меня местах называли освободителями».

«В родных местах» – отметил взволнованно Николай Канарский. Так оно и есть. Ведь Николай родился в деревне Поддоны Витебской области Белоруссии. Отец работал заведующим хозяйством в доме инвалидов Гражданской войны. Мать – учительница Селютинской средней школы. В семье были еще брат Валентин и сестра Вера. Жили дружно. Дети учились. Все, как говорится, по-доброму. В то время семья проживала в деревне Селюты.

20 июня 1941 года Николай Канарский сдал последний экзамен за 8-й класс, а через два дня разнеслась весть о начале войны. Уже через трое суток у реки Лучеса, на берегу которой стояла деревня Селюты, где проживала семья Канарских, появились наши войска, спешившие к западной границе страны. Мальчишки показывали места, где можно было речку преодолеть вброд. Это были подразделения уральской 153-й стрелковой дивизии.

Вскоре отца призвали в армию, а семья была эвакуирована в Горьковскую область. Оттуда, как уже было сказано, Николай добровольно ушел на фронт. С тех пор и до конца войны мать ждала солдатские треугольники от самых близких и дорогих ей людей – мужа и сына...

После освобождения от фашистских захватчиков родной Белоруссии сержант Н. Канарский участвует в наступательных боевых действиях на территории Латвии. Здесь он тоже при выполнении боевых заданий не раз подвергался смертельной, в полном смысле этого слова, опасности.

Вот один из примеров. Овладев городом Круспилс, воины стрелкового батальона, в который входил взвод Н. Канарского, получили задачу форсировать приток Даугавы и овладеть рядом населенных пунктов на противоположном берегу. Никаких подручных средств для переправы не было. Ночью в лесу, примерно в одном километре от берега, бойцы заготовили плоты для переправы станковых пулеметов и минометов. Для тех, кто не умел плавать, в плащпалатки завязывали тюки сена, соломы.

Когда первый взвод начал форсирование, немцы выше по течению реки взорвали плотину, и уровень воды сразу поднялся в 1,5-2 раза. Кроме того, по району форсирования противник вел артиллерийский и минометный огонь. Многих ранило, некоторых уносило по течению. Видя такое положение, командир роты вызвал к себе нескольких подчиненных, умеющих плавать, в

том числе и сержанта Канарского. Им было поручено помогать тем, кто не мог самостоятельно преодолевать водную преграду.

Николай Яковлевич, вспоминая события той ночи, сказал, что им повезло. На отмели реки они обнаружили тонкий железный трос. Один конец привязали к дереву на той стороне реки, откуда переправлялись, другой впласть смогли дотащить до противоположного берега и там его закрепить. Рота, несмотря на потери, сумела выполнить поставленную задачу.

За наведение переправы Николай и еще двое его товарищей были удостоены ордена Славы III степени.

Еще в нескольких тяжелых боях участвовал Николай Яковлевич в ходе изгнания врага с территории Латвии. В конце сентября 1944 года, преодолевая упорное сопротивление немцев, наши войска вышли к берегам Рижского залива. Отличившегося в боях Николая Канарского вместе с несколькими товарищами по оружию в октябре того же года направили учиться на курсы младших лейтенантов 2-го Прибалтийского фронта. А уже в начале февраля 1945 года курсантов учебной роты, в которой находился Н. Канарский, по тревоге вызвали с тактических занятий. Им срочно выдали новое офицерское обмундирование, оружие - пистолеты ТТ, комплект боеприпасов и построили на плацу.

Командующий 2-м Прибалтийским фронтом генерал армии А.И. Еременко поздравил их с присвоением офицерского звания и сказал, что в ближайшее время предстоит дальнейшее наступление наших войск.

И действительно, преодолев сильное сопротивление немцев, войска 2-го Прибалтийского фронта вскоре вышли к Балтийскому морю южнее Либавы (Лиепая), и тем самым вся Курляндская группировка была отрезана от других немецких частей.

«В ночь на 8 мая, – вспоминает Николай Яковлевич, – мы заняли исходные позиции и ожидали приказа овладеть городом Лиепая. Но он так и не поступил. А рано утром 9 мая мы увидели над немецкими траншеями белые флаги. И здесь нам объявили, что в Берлине подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил фашистской Германии. Наступила долгожданная победа – наша Победа».

...Мария Феоктистовна вместе с жителями деревни узнала об этом событии из передачи по радио в середине дня. Радости не было предела. Якова Федоровича еще раньше демобилизовали из армии по болезни. Теперь в семье недоставало только старшего сына.

В конце марта из части пришло письмо. Увидев на треугольном конверте незнакомый почерк, мать Николая вначале испугалась. В деревню в несколько домов за время войны с фронта пришли самые тяжелые сообщения. Гибли

отцы и сыновья, женщины оставались вдовами, дети сиротами. Вот почему все в семье Канарских так взволновались, еще не вскрыв конверт. Однако уже с первых строк письма на их лицах появились счастливые улыбки.

С разрешения Николая Яковлевича, который бережно сохранил его до сегодняшнего дня, приведу несколько выдержек из этого замечательного послания матери фронтовика.

«Здравствуйте, дорогая Мария Феоктистовна! Сегодня мы, комсомолыцы части, собрались на собрание и решили написать Вам письмо. Мы многое слышали о Вас от Вашего сына, Николая Яковлевича, который часто вспоминает Вас и подолгу рассказывает о доме и своей семье. Поэтому Вы и нам стали также дороги, как и Николаю...

Коля наш лучший боевой товарищ. Он не один раз участвовал в смертельных схватках с врагом – фашистскими захватчиками. За проявленные отвагу и мужество в боях он награжден правительством орденом Славы III степени.

Мы, комсомолыцы, как и командование части, гордимся Вашим сыном и благодарим Вас, дорогая Мария Феоктистовна, за воспитание доблестного сына нашей Родины Николая Яковлевича.

Мы готовимся к предстоящим боям с немецко-фашистскими захватчиками, и будьте уверены, дорогие наши матери, что мы, ваши сыны, с честью оправдаем ваше доверие, выполняя волю советского народа, уничтожим наших врагов и водрузим Знамя Победы над Берлином! С комсомольским приветом и по поручению командира части и товарищей по службе, старший лейтенант Нестеров, Широков, Караулов, Филиппов».

...И вот настал день, когда родители миллионов своих сыновей и дочерей, братьев и сестер, испытали чувство гордости за то, что они с честью и достоинством выполнили свой долг перед Родиной, защитили ее от ненавистного врага, разбив его в собственном логове.

После войны Н. Канарский продолжил службу в войсках Уральского военного округа в должностях командира взвода, роты. Окончив Военную академию тыла и транспорта, кстати, с красным дипломом, Николай Яковлевич был заместителем командира полка и командира дивизии по тылу. Вот как отзывался о нем в то время начальник штаба тыла округа полковник А. Адельханян: «Да, грамотным хозяйственником, заботливым воспитателем зарекомендовал себя коммунист Николай Яковлевич Канарский. Смотришь на этого простого, несколько застенчивого, но в делах всегда энергичного офицера и твердо веришь, что ему по плечу любая работа, доступны любые рубежи».

С этой высокой оценкой нельзя не согласиться. После увольнения из армии Н.Я. Канарский 18 лет работал в советских и партийных органах. Не-

сколько раз избирался депутатом Октябрьского районного совета города Свердловска.

Николай Канарский награжден орденами Славы III степени и Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги» и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, 24 другими медалями.

Он активный участник ветеранского движения на Урале. Был заместителем, а затем и председателем областного комитета ветеранов войны и военной службы. Он и сегодня, будучи на заслуженном отдыхе, регулярно выступает перед студентами и учащимися школ, гимназий, лицеев. К примеру, он частый гость вместе с другими ветеранами Великой Отечественной войны в гимназии №35 города Екатеринбурга. И неслучайно в этом учебном заведении, которое возглавляет заслуженный учитель Российской Федерации А.Б. Коровин, образцовый порядок и высокие показатели в учебе.

В этом отношении добрым словом следует отметить и ветерана военной службы полковника в отставке А.С. Румянцева. По его инициативе в этой гимназии создан Знаменный зал, в котором документально и наглядно рассказывается о вкладе нашего края, вкладе воинов-уральцев в достижение победы над фашистской Германией.

Возраст человека, как считает Николай Яковлевич, не имеет преобладающего значения, пока он способен с оптимизмом относиться к жизненным явлениям и ситуациям, не терять веры в свои силы и быть всегда достойным гражданином своей великой Родины.

Е. Мильков

ЮНГИ ФЛОТА КРЕПКИ, КАК БРОНЯ

В соответствии с областным планом по достойной встрече 65-летия Великой Победы, патриотического воспитания граждан при поддержке губернатора и правительства Свердловской области министерством социальной защиты населения была организована поездка делегации ветеранов-юнг области в Соловецкую школу юнг, которую они окончили в годы Великой Отечественной войны. Делегацию возглавили начальник отдела министерства Вячеслав Шестаков и председатель областного совета ветеранов-юнг Николай Пермяков. На Большом Соловецком острове ветераны-уральцы вместе с руководителями и представителями Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, Соловецкой школы юнг и сельского поселкового образования «Соловецкое» встретили День Военно-морского флота Российской Федерации.

Вот некоторые эпизоды пребывания делегации ветеранов-уральцев на Соловецкой земле, где в трудное для страны время, будучи 15-16-летними юношами, они овладевали военными специальностями, выросли и крепили духовно и физически, учились защищать Родину от ненавистного врага.

В один из последних дней июля три шлюпки с гребцами, убеленными сединой, во главе со штурманом этой необычной экспедиции старшим мичманом Николаем Васильевичем Пермяковым направились от лодочной станции на острове Большой Соловецкий к озеру Большое Красное, к местам, где прошла их тревожная и началась боевая юность. За весла поочередно садились ветераны-юнги, в прошлом радиотелеграфист Григорий Захарович Чуприков, боцман Александр Дмитриевич Зверев, связист Виктор Григорьевич Измоленов, мотористы Павел Иванович Кутюхин, Владилен Степанович Порошин и другие участники похода по хорошо известным им памятным и святым местам.

Не впервые после создания Соловецкого государственного музея-заповедника, который недавно отметил свое 40-летие, здесь побывали многие бывшие юнги-уральцы. И всякий раз после возвращения на Урал они чувствовали себя полными сил и энергии для активного участия в воспитании будущих защитников Отечества, в привитии им любви к настойчивому труду над собой, морскому делу, убеждая их в случае необходимости умело защищать Родину от любого врага, посягнувшего на ее честь и независи-

мость. Именно такие качества они сами приобрели в школе юнг, которая на всю жизнь стала для большинства ее воспитанников вторым родным домом, гаванью мужества, доброты и высокой ответственности за свои поступки в жизни при любых обстоятельствах.

А пока шлюпки уральских юнг уверенно продвигались к берегам озер, где в далеком прошлом находились их скрытые от вражеских глаз землянки, следует чуть подробнее познакомить читателей со столь необычным и прославленным учебным заведением – Соловецкой школой юнг, действовавшей в 1942-1945 годах.

...Шел второй год Великой Отечественной войны советского народа с ордами фашисткой Германии и ее сателлитов. Кровавопролитные бои гремели на всех фронтах, флотах и флотилиях Балтийского, Белого, Баренцева, Черного морей. Сотни тысяч наших воинов беззаветно дрались с врагом, становились героями, гибли на полях сражений. Именно в такой обстановке приказом народного комиссара Военно-морского флота СССР адмирала Н.Г. Кузнецова 25 мая 1942 года на базе Соловецкого учебного отряда Северного флота была создана школа юнг ВМФ. Программа обучения включала двухмесячную строевую подготовку, девятимесячные занятия по специально-стям. Курсантами школы стали мальчишки-добровольцы из разных регионов страны, в том числе из Свердловской, Челябинской, Пермской и других областей Урала.

За три года существования Соловецкой школы юнг было подготовлено более четырех тысяч корабельных специалистов основных профессий, которые без скидок на возраст мужественно сражались с врагом. Соловецкие юнги внесли достойный вклад в победу над гитлеровской Германией. К великому сожалению, более тысячи из них в боях за Родину на суше и на море погибли. Их дела и заслуженные награды стали символом беспримерного подвига молодежи по защите Родины.

В книге о своих питомцах комиссар Соловецкой школы юнг капитан первого ранга С.С. Шахов так вспоминает об одном из боев, в котором участвовали юнги-уральцы боцман Леонид Светлаков и Игорь Перетрухин.

«Осенью 1944 года Северный флот вступил в завершающий этап борьбы с фашистскими захватчиками. Катерникам было поручено высадить десант в порт Лиинахамари. Нужно было прорваться через узкий, глубоководный, со всех точек простреливаемый проход. Фашисты назвали его «коридором смерти». Пройти через этот страшный коридор незамеченными катерам не удалось. По воде забегали лучи прожекторов. Начался ураганный артиллерийский обстрел. Катера были как на ладони.

– Боцман, шашки! – последовал приказ командира. – Полный вперед!

Светлаков и Перетрухин начали сбрасывать за борт шашки, чтобы укрыть катера за дымовой завесой. Мотористы-юнга Николай Рымарев и его тезка Ткаченко, выжимая все из моторов, дали полный вперед. Катер на полном ходу устремился к причалу. Враг вел прицельный огонь. Десантники на мгновение замешкались. В эту критическую минуту отличился юнга Леонид Светлаков, который первым прыгнул на землю. Упершись ногами в бревно, он обмотал швартовый конец на себя и так удерживал катер у причала до тех пор, пока морские пехотинцы не высадились на берег. Вместе с ними с автоматами и гранатами устремились вперед Светлаков и Перетрухин. Они залегли в прибрежных камнях и огнем поддерживали атаку десантников».

За мужество и мастерство при высадке десанта Леонид Светлаков был награжден орденом Отечественной войны I степени. Это была его четвертая награда. К тому времени его грудь уже украшали ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги».

А вот еще несколько примеров отваги и мужества, проявленных в боях за Родину питомцами Соловецкой школы юнг.

Летом 1944 года при захвате судна противника боцман Иван Зорин первым бросился на abordаж. За этот подвиг он был награжден орденом Красного Знамени.

Легендой стал подвиг юного Саши Ковалева, награжденного орденом Отечественной войны I степени. Он был мотористом, и, когда вражеским снарядом пробило мотор катера, юнга своим телом закрыл повреждение, из которого ключом била горячая вода. Саша погиб, но экипаж катера вышел в этом бою победителем. Ныне его именем названы улицы в некоторых городах страны и в поселке Соловецкий.

Звание Героя Советского Союза присвоено юнге Владимиру Моисеенко, который отличился в бою, взорвав японский блиндаж, где находился командный пункт противника, а также адмиралу – бывшему юнге Вадиму Коробову.

Вот так воевали выпускники школы. И думается, в «Марше соловецких юнг», который они исполняли в дни учебы, справедливы были такие строки: «Мы, юнга флота, крепки, как броня. За честь народа пойдем в огонь. Фашистским зверям мы отомстим. В победу верим и победим!».

По-разному складывалась жизнь юнг, вернувшихся в родные края и овладевших гражданскими профессиями. Но без преувеличения можно сказать, что они и по сегодняшний день сильны, как броня, крепки духом, полны чувства долга и ответственности за все, что происходит в стране, в своем регионе, в родном городе и селе. Об этом, в частности, хорошо сказал руководитель делегации уральских юнг-ветеранов Вячеслав Николаевич Шестаков, когда шлюпки причалили к берегу их юности. Этой же мыслью было пронизано и

выступление председателя Совета ветеранов-юнг Свердловской области Николая Васильевича Пермякова, когда он на краю своей землянки, поросшей травой и окруженной высокими деревьями, вспоминал о тех далеких трудных и радостных днях, полных напряженных боевых дел. Во время этого знаменательного события сокровенными воспоминаниями поделились Виктор Григорьевич Измоленов, Григорий Захарович Чуприков и другие члены делегации.

День был солнечным, глаза ветеранов светились, а душа пела оттого, что по прошествии более полувека любовь бывших юношей к флоту не только не иссякла, но и окрепла.

А как же сегодня чувствует себя бывшая школа юнг? Помнят ли о ней, существует и действует ли она, нужна ли нынешним поколениям России? Ответ на этот вопрос напрашивается вполне удовлетворительный.

В 1972 году на Соловецких островах состоялся первый слет бывших юнг. Во время его была произведена закладка памятника с надписью: «Воспитанникам Соловецкого учебного отряда и школы юнг ВМФ, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов».

Первый слет соловецких юнг заложил добрые традиции и в последующем содействовал развитию отношений между региональными движениями юнг-ветеранов, а также между юнгами и Соловецким музеем-заповедником. Фонды музея-заповедника пополнились новыми экспонатами по истории школы юнг.

Необходимо отметить, что в деятельности Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника во главе с его директором Михаилом Васильевичем Лопаткиным одним из приоритетных направлений и ныне является история Соловецкой школы юнг ВМФ.

В тесном сотрудничестве с ветеранским движением различных регионов страны, в том числе и Свердловской области, музей-заповедник за последние десятилетия смог создать обширную базу данных, архив документальных и фотоматериалов, стационарную экспозицию – музей Соловецкой школы юнг. В 2007 году Соловецкий музей-заповедник выступил инициатором возрождения уникальных традиций единственной в мире школы юнг Северного флота. По предложению директора М.В. Лопаткина, на Соловках организовано ежегодное проведение летней Соловецкой школы юнг, призванной стать одним из ярких военно-патриотических проектов современной России. Как и 65 лет назад, ее курсантами становятся мальчишки-подростки. Они овладевают наукой побеждать, осваивают флотские азы и морские навыки. И вновь свежий ветер романтики наполняет паруса судеб современных подростков, мечтающих о служении Отечеству в Военно-морском флоте России.

Именно с этой целью председатель Областного совета ветеранов-юнг Н.В. Пермяков вручил в прошлом году Соловецкой школе юнг копию знамени, которое было у школы во время Великой Отечественной войны. Хочется надеяться, что и из Свердловской области на Соловецкие острова в летнюю школу юнг сможет отправиться группа учащихся школ, в которых организовано изучение морского дела, пропагандируются боевые традиции Военно-морского флота страны.

На Урал ветераны-юнг вернулись помолодевшими, полными творческих замыслов активно продолжать военно-патриотическое воспитание молодежи, способствовать укреплению связей ветеранских организаций ВМФ Свердловской области с Соловецким музеем-заповедником и его одной из приоритетных экспозиций – Соловецкой школой юнг.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3 стр.
Н. Иванов	
Странички из дневника.....	5 стр.
В. Железнов	
«Мы работали для фронта, для победы».....	9 стр.
З. Лубегина	
Преодоление.....	14 стр.
В. Устинова	
Тыл... в пустыне Гоби.....	21 стр.
А. Яновская	
Память наших сердец.....	23 стр.
И. Коснырев	
Строитель уральского бронепоезда.....	25 стр.
И. Демин	
Не уступая мужчинам.....	33 стр.
А. Черемисин	
Не думая о награде.....	35 стр.
Н. Смирнова	
«Некрасовские женщины».....	40 стр.
Ю. Коньшин	
Мобилизованные войной герои.....	43 стр.

Обращение участников форума труженников тыла УрФО к председателю Государственной Думы.....	47 стр.
Г. Башилов О создании мемориального комплекса ратному труду уральцев.....	50 стр.
Н. Григорьев Героями не рождаются.....	54 стр.
М. Литвиненко Листая страницы жизни..... (Л.С. Падуков)	60 стр.
И. Каюмов Сквозь огни и воды..... (И.Р. Подобед)	67 стр.
Е. Мильков Письмо с фронта (Н.Я. Канарский)	71 стр.
Е. Мильков Юнги флота крепки, как броня.....	77 стр.

Информационный бюллетень

**ПАМЯТЬ
ОГНЕННЫХ ЛЕТ
Воспоминания, очерки**

Подписано в печать 25.12.2012г.

Формат: 60x84/16. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 4,72 Тираж 2000. Заказ № 5261

Отпечатано в ГУП СО «Асбестовская типография»,
624260, г. Асбест, ул. Садовая, 5,
e-mail: tipograf-asb@yandex.ru

*Международная мемориальная акция
«Свеча памяти», 21 июня 2011 г.,
Екатеринбург.*

*Слева Н.Я. Канарский, участник Великой
Отечественной войны;
справа В.И. Молодцов, труженик тыла*

